

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

1897—1898.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СЕМНАДЦАТИ ТАБЛИЦЪ И ТРЕХЪ ПОРТРЕТОВЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1899.

Понятно, поэтому, что для г. Трусмана (стр. 7—8) «разборъ вожемскихъ надписей сопряженъ съ большимъ затрудненіемъ, чѣмъ разборъ надписей орхонскихъ и енисейскихъ» Но понятно также и то, что результаты взятой на себя г. Трусманомъ работы должны были оказатся ничтожными. Дѣйствительно, всякій, кто прочтетъ составленный имъ переводъ вожемскихъ надписей, долженъ будетъ признать, что переводъ этотъ не даетъ смысла. Несомнѣнно, что орхонскія надписи, даже при настоящей, не вполне законченной дешифровкѣ ихъ, представляются гораздо болѣе понятными, чѣмъ предложенный г. Трусманомъ русскій переводъ пермскихъ надписей.

Да г. Трусману и не слѣдовало вовсе утруждать себя этимъ переводомъ. Транскрипція и переводъ вожемскихъ надписей уже сдѣланы въ статьѣ П. Д. Шестакова: Св. Стефанъ, первосвятитель Пермскій (Казань, 1868, со снимкомъ) и въ книгѣ Лыткина: Зырянскій край, Спб. 1889, стр. 26—29 (со снимками), причемъ оказалось, что надписи эти суть не иное что, какъ объясненіе самихъ иконъ и заимствованы: на иконѣ Троицы изъ начала 18 главы 1 книги Бытія, а на иконѣ Сошествія Св. Духа изъ 2-й главы Дѣяній Апостольскихъ.

Знакомство съ указанными выше книгами избавило бы г. Трусмана отъ бесполезнаго труда, а читателей его брошюры отъ бесполезной потери времени.

Д. К.

256. В. Д. Смирновъ. Турецкія легенды о Святой Софіи и о другихъ византійскихъ древностяхъ. Изданіе Факультета Восточныхъ Языковъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета ко дню открытія XI международнаго съѣзда ориенталистовъ. Спб. 1898. 141 + 1 + 1+ стр. 4⁰ 1).

В. Д. Смирновъ въ этомъ трудѣ издаетъ, переводитъ и подробно объясняетъ извлеченныя имъ изъ одной турецкой рукописи Британскаго Музея (Harl. 5500) сказанія о Константинополѣ. Рукопись, въ свое время довольно подробно описанная д-ромъ Rieu въ «Catalogue of the Turkish Mscr. in the Br. Mus.», содержитъ сочиненіе космографическаго характера. Имя автора равно какъ и время составленія сочиненія неизвѣстны, но есть прямые указанія на то, что мы имѣемъ дѣло съ переводомъ, вѣроятіе всего

1) Ко дню открытія XI международнаго съѣзда ориенталистовъ въ Парижѣ послѣлъ только турецкій текстъ. Комментарій могъ быть напечатанъ лишь въ 1898 г., почему этотъ годъ и показанъ на заглавномъ листѣ, какъ годъ изданія всего сочиненія.

съ персидскаго. Рукопись поступила въ Британскій Музей въ очень плохомъ состояніи: порядокъ листовъ былъ совершенно спутанъ и долженъ былъ быть восстановленъ уже по контексту, при чемъ оказалось, что сочиненіе сохранилось далеко не въ полномъ видѣ: многихъ листовъ не достаетъ. Но сохранившіеся листы сохранились хорошо и украшены множествомъ интересныхъ миниатюръ, значительное число каковыхъ имѣется также и въ той части, которая издана В. Д. Смирновымъ. Онѣ воспроизведены въ прекрасныхъ цинкографіяхъ и служатъ настоящимъ украшеніемъ книги.

Изданные В. Д. Смирновымъ отрывки въ рукописи занимаютъ листы 23 — 32 и 128 — 130. Они представляютъ большой интересъ, но надлежащая оцѣнка ихъ значенія въ ряду другихъ подобныхъ же легендарныхъ описаній Царьграда возможна только послѣ тщательнаго анализа ихъ происхожденія и ихъ состава. Другими словами, они требуютъ обширнаго комментарія. Таковой и даетъ намъ В. Д. Смирновъ въ вступительныхъ главахъ I—VI, стр. 1—34, и въ «Дополнительныхъ примѣчаніяхъ», стр. 43—138. Стр. 35—42 содержатъ переводъ турецкаго текста, а стр. 139—141 — нѣсколько замѣчаній о самомъ текстѣ и приемахъ, употребленныхъ при его изданіи.

Комментарій очевидно стоить автору много труда и времени. Какъ во вступительныхъ главахъ, такъ и въ «Дополнительныхъ примѣчаніяхъ» приводится множество болѣе или менѣе интересныхъ выписокъ изъ турецкихъ рукописей лондонскихъ, парижскихъ и петербургскихъ, равно какъ изъ турецкихъ печатныхъ изданій. Приводятся въ нихъ далѣе аналогіи изъ сказаній русскихъ паломниковъ, дѣлаются болѣе или менѣе остроумныя сближенія, но не смотря на все это читатель остается неудовлетвореннымъ. Почему — это мы постараемся выяснитъ въ нижеслѣдующихъ строкахъ.

I.

Задача комментатора этихъ отрывковъ очень сложна. Они сохранились, какъ было указано выше, въ турецкомъ сочиненіи неизвѣстнаго автора, дошедшемъ до насъ въ далеко не полномъ спискѣ и выдающемъ себя за переводъ какого-то оригинала. Первый вопросъ, который тутъ возникаетъ, конечно, вопросъ о времени составленія оригинала съ одной стороны и перевода съ другой. Rieu въ своемъ описаніи, *Catalogue*, p. 104, весьма убѣдительно доказываетъ, что оригиналъ — персидскій — долженъ быть отнесенъ ко времени Саманидовъ и вѣроятнѣе всего приблизительно къ половинѣ 4-го вѣка хиджры (X в. по Р. Х.). О времени турецкаго пе-

реводчика или редактора онъ не распространяется, что весьма понятно, такъ какъ въ каталогѣ нельзя о каждой рукописи писать цѣлое изслѣдованіе. Но, основываясь на архаичности языка, онъ высказываетъ мнѣніе, что переводъ не можетъ быть составленъ позже 9-го вѣка (XV-го в. по Р. Хр.). Указавъ на значительную древность персидскаго сочиненія, легшаго въ основаніе турецкаго памятника, Рѣ въ достаточной мѣрѣ отфѣнилъ сравнительную важность этого сборника легендарныхъ и частью весьма фантастическихъ разсказовъ.

Разбирая въ главахъ III и IV вступленія эти вопросы, В. Д. Смирновъ недостаточно отчетливо отдѣляетъ одинъ отъ другаго и не выражается достаточно опредѣленно. Не обходится дѣло и безъ явныхъ недоразумѣній.

Первый листъ рукописи, по свидѣтельству Рѣ, представляетъ подлогъ и почеркъ его болѣе поздній: «A false beginning has been prefixed by a later hand, f. 1^a. The original text begins f. 2^b». Этотъ приемъ, какъ извѣстно, общеупотребителенъ у продавцовъ рукописей на востокѣ, чтобы вводить легковѣрныхъ покупателей въ заблужденіе относительно полноты продаваемого сочиненія. В. Д. Смирновъ пишетъ объ этой первой страницѣ слѣдующее¹⁾:

«Во вступленіи говорится, что будто Искендеръ сынъ Филиппа (т. е. знаменитый Александръ Македонскій) однажды призвалъ къ себѣ своего везира мудреца Афлатуна (Платона) и велѣлъ ему описать и изобразить страны и достопримѣчательности обитаемой четверти вселенной, что тотъ и исполнилъ, слѣдуя корифеямъ-историкамъ. Этою фавулою составитель настоящей компиляціи, очевидно, хотѣлъ придать вѣсъ и значеніе своему труду, какъ имѣющему своимъ содержаніемъ такія вещи, которыя могли занимать величайшихъ людей въ мірѣ, каковы Александръ Македонскій и философъ Платонъ. Но въ какихъ отношеніяхъ нашъ авторъ самъ всталъ къ упомянутымъ въ предисловіи людямъ, ранѣе его проникшимся одинаковою съ нимъ любознательностью, мы не знаемъ, ибо такъ громко начатое вступленіе на первой же страницѣ прерывается пропускомъ, не позволившимъ намъ узнать ни заглавія сочиненія, ни имени автора».

Едва-ли стоило тратить столько словъ на это поддѣльное предисловіе! Указавъ затѣмъ на то мѣсто рукописи, въ которомъ говорится, что сочиненіе есть *переводъ* ترجمہ и особенно на то мѣсто, гдѣ отъ имени самого автора *оригинала* говорится: «если бы я всѣ подобныя этимъ вещи привелъ

1) Стр. 11.

въ этомъ сокращеніи, то очень бы долга вышла рѣчь»¹⁾; объяснивъ затѣмъ, что «у восточныхъ писателей подъ переводомъ понимается не точное воспроизведеніе какого-либо текста или сочиненія на другомъ языкѣ, а лишь приблизительная передача содержанія или значенія какой-либо рѣчи съ одного языка на другой» (стр. 13), В. Д. Смирновъ высказываетъ мнѣніе, что «авторъ принятаго переводчикомъ за оригиналъ сочиненія называетъ свой-то трудъ сокращеніемъ какого-то другого, болѣе обширнаго, должно полагать, произведенія» (*тамъ-же*).

Такимъ образомъ нашъ памятникъ «представляетъ уже вторичную передѣлку», другими словами, тотъ оригиналъ, который передѣлалъ анонимный турецкій писатель, въ свою очередь былъ сокращеніемъ болѣе обширнаго труда. Это конечно возможно, но сколько нибудь вѣскихъ доказательствъ этому не приводится никакихъ, и другое предположеніе, т. е., что этотъ оригиналъ просто былъ компиляціей небольшого объема, остается столь-же возможнымъ. В. Д. Смирновъ напрасно придалъ слову *مختصر* *мухтасар* слишкомъ опредѣленное значеніе. Оно одинаково обозначаетъ и сокращеніе какого-нибудь опредѣленнаго сочиненія и вообще кратко изложенное обозрѣніе какой-нибудь науки, краткій трактатъ о чемъ-нибудь и пр. Если-же мы вдумаемся въ смыслъ приведенной турецкой фразы, то придемъ къ выводу, что въ ней имѣлся въ виду именно этотъ послѣдній смыслъ, и что авторъ оригинала просто хотѣлъ сказать, что онъ воздерживается отъ дальнѣйшаго сообщенія подобныхъ разсказовъ въ своемъ *краткомъ* трактатѣ, чтобы не лишать его именно основнаго его характера, т. е. краткости²⁾. Что же касается характеристики восточныхъ переводовъ, данной В. Д. Смирновымъ, то она въ такой *общей* формѣ безусловно невѣрна: на самомъ дѣлѣ есть переводы съ одного восточнаго языка на другой, не оставляющіе желать ничего относительно точности, какъ есть и переводы другого типа. Специально въ области турецкой литературы дѣло стоитъ не иначе. Мы поэтому находимъ совершенно лишнимъ осложнять и безъ того сложную проблему и довольствуемся пока *несомнѣнно* установленнымъ фактомъ, что турецкій памятникъ есть переводъ какого-то оригинала, который самимъ авторомъ его называется *Мухтасар*’омъ. На какомъ языкѣ былъ сочиненъ этотъ космографическій *Мухтасар* — это въ сущности вопросъ не особенно важный, такъ какъ можно колебаться только между арабскимъ и персид-

1) Стр. 12 и 13—14.

2) «Краткость» нужно конечно понимать условно. Въ «краткой» космографіи, гдѣ трактуются о большомъ количествѣ *разныхъ* предметовъ, неудобно было бы *объ одномъ* распространяться очень много, что однако нисколько не мѣшаетъ всему сочиненію быть, на нашъ взглядъ, довольно объемистымъ.

скимъ; о другомъ какомъ-либо языкѣ не можетъ быть рѣчи. Но, если подлинникъ былъ персидскій, то онъ получаетъ особенное значеніе, какъ одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ персидской письменности. Рѣе кратко и ясно доказываетъ, что языкъ оригинала былъ *персидскій* потому именно, что «Persian words und names retained in the text and explained in Turkish, as ¹⁾.... show that Persian was the language of the original».

Эту мысль Рѣе В. Д. Смирновъ излагаетъ такъ (стр. 20): «Оригиналъ этотъ, по его мнѣнію, долженъ былъ быть персидскій, на томъ основаніи, что въ турецкой редакціи персидскія слова и имена приводятся съ турецкимъ истолкованіемъ ихъ»..... и затѣмъ продолжаетъ (стр. 20):

«Не оспаривая этого мнѣнія о персидскомъ текстѣ первоначальной редакціи, считаемъ однако же нелишнимъ замѣтить, что въ сочиненія встрѣчается не мало и иныхъ словотолкованій, но кому принадлежатъ эти словотолкованія—первоначальному ли автору или послѣдующимъ передѣльвателямъ его труда, это не легко рѣшить. Такъ, напр., въ одномъ мѣстѣ говорится, что въ Нилѣ водится звѣрь, который по арабски называется такъ *عرجه نامنه تمساح دبرلر*.....» ²⁾.

Читатель самъ легко замѣтитъ существенную разницу между мыслью Рѣе и передачею ея на русскій языкъ.

Непосредственно за этими примѣрами мы читаемъ (стр. 21):

«Что касается сочиненія въ турецкомъ изводѣ, какъ оно есть, то оно представляется намъ если не оригинальнымъ произведеніемъ какого-нибудь турка, то во всякомъ случаѣ очень значительною передѣлкою, почти-что равною по своему значенію тому неизвѣстному, положимъ персидскому, оригиналу, который служилъ основою для этой передѣлки».

Признаемся, что этотъ приговоръ мы находимъ весьма мало мотивированнымъ. Оригинальнымъ произведеніемъ «какого-нибудь турка» нашъ памятникъ конечно не можетъ быть, такъ какъ самъ выдаетъ себя за переводъ. Что въ этомъ переводѣ могутъ быть прибавленія или вообще измѣненія противъ оригинала, это а priori довольно вѣроятно, но въ какомъ количествѣ, въ какомъ размѣрѣ—на это въ изслѣдованіи В. Д. Смирнова не находимъ никакихъ точныхъ указаній. И что значитъ выраженіе «*передѣлка почти-что равная по своему значенію оригиналу*»? Для того, чтобы судить объ отношеніи перевода (или передѣлки) къ оригиналу очевидно есть

1) Слѣдуютъ примѣры.

2) Слѣдуютъ примѣры, гдѣ о разныхъ предметахъ говорится, что они по сирійски по бухарски и т. д. называются такъ-то и такъ-то.

только одинъ безусловно вѣрный путь, т. е. сличеніе одного съ другимъ. Но когда этотъ путь закрыть, за неимѣніемъ оригинала, то остается лишь одно средство, при извѣстныхъ условіяхъ могущее дать близкіе къ истинѣ выводы, именно тщательное выдѣленіе того матеріала, который по внѣшнимъ или внутреннимъ признакамъ можетъ или долженъ быть признанъ за прибавленіе переводчика, изъ того, что таковымъ признано быть не можетъ. Рѣшительный тонъ В. Д. Смирнова заставляетъ думать, что эта операція имъ была совершена, и остается только пожалѣть, что онъ не счелъ нужнымъ совершать ее на глазахъ читателя. Послѣднему сообщается не много. Непосредственно за только-что приведеннымъ мѣстомъ мы читаемъ:

«Дѣло не въ одномъ только языкѣ¹⁾, отличающемся архаическою простотою и очень часто близостью къ разговорной конструкціи, а и въ свойствѣ нѣкоторыхъ описываемыхъ фактовъ, равно какъ и въ общемъ, такъ сказать, освѣщеніи и характеристикѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ».

Затѣмъ идетъ перечисленіе ряда мѣстъ, изъ которыхъ видно, что авторъ часто упоминаетъ о Румѣ и притомъ тономъ челоѣка, близко знакомаго съ этой страной, и м. пр., говоря о разныхъ диковинахъ или предметахъ нѣкоторыхъ дальнихъ странъ, нерѣдко прибавляетъ, что такой-то предметъ находится и въ Румѣ или въ сопредѣльныхъ съ нимъ мѣстностяхъ, или что онъ въ Румѣ называется такъ-то, или что ему соотвѣтствуютъ въ Румѣ то-то. Одинъ разъ даже названъ *Румилійскій вилаетъ* روم ایلٰی ولایتندہ см. стр. 22, прим. 2.

Дальше слѣдуетъ указаніе, что «есть также мѣста, относящіяся къ Персіи и персіанамъ, но въ такомъ тонѣ и духѣ, что на основаніи ихъ нельзя думать, чтобы персы были близки сердцу автора» (стр. 22). Такихъ мѣстъ оказывается три: въ одномъ, трактующемъ о лжепророкахъ, разсказывается, что Зердуштъ обморочилъ царя Гуштаспа мнимымъ чудомъ; въ другомъ, говорящемъ объ одной травѣ «способной вызывать сильную половую эрекцію у мужчинъ», замѣчено, что «въ Персіи, де, эту траву называютъ такъ-то», и въ третьемъ, сообщающемъ объ одной высочайшей горѣ, на которой есть какой-то сухой трупъ, содержится замѣчаніе автора, что «этотъ сухой трупъ будто бы былъ въ старинныя времена великій челоѣкъ у персовъ-невѣрныхъ عجم کافرلر». Изъ всего этого дѣлается слѣдующій выводъ (стр. 23):

1) Замѣтимъ кстати, что вопросъ объ архаичности турецкой рѣчи нашего памятника не имѣетъ никакой связи съ вопросомъ объ отношеніи турецкаго перевода къ персидскому подлиннику.

«Вышеприведенныя частности, надѣмся, достаточно показываютъ, что авторъ первоначальной редакціи едва ли былъ персіянинъ, хотя и писалъ поперсидски: скорѣе былъ турокъ или изъ Средней Азіи или даже изъ Передней Азіи; во всякомъ случаѣ теперешняя турецкая версія вѣроятно принадлежала турку Рума, т. е. Малой Азіи».

Послѣдняя часть этого вывода безъ сомнѣнія правильна, но первая не вытекаетъ прямо изъ приведенныхъ фактовъ, страдаетъ большою неопредѣленностью и — главное — не имѣетъ никакого отношенія къ коренному вопросу объ отношеніи переводчика къ своему подлиннику. Мы все не узнаемъ, почему турецкій памятникъ представляется «передѣлкою почти-что равною по своему значенію оригиналу». Мы только можемъ предположить гадательно, что В. Д. Смирновъ замѣтки о томъ, что разные предметы, упоминаемые въ ходѣ разсказа, называются въ Румѣ такъ-то, соотвѣтствуютъ въ Румѣ тому-то, считаетъ принадлежащими турецкому переводчику, а не персидскому оригиналу. Я говорю «гадательно» потому, что авторъ прямо этого не высказываетъ, и, можетъ быть, и не предполагаетъ, такъ какъ, если разъ допустить, что персидскій подлинникъ былъ сочиненъ туркомъ изъ Передней Азіи, эти замѣтки прекрасно стоятъ могли уже въ этомъ подлинникѣ.

Всего этого мало; вопросъ еще недостаточно сложенъ. Турецкій памятникъ самъ оказывается интерполированнымъ. Вотъ какъ продолжаетъ В. Д. Смирновъ на той-же страницѣ.

«Но и относительно собственно турецкой версіи являются нѣкоторыя соображенія особаго рода. Соображенія эти заключаются въ томъ, что изслѣдуемая нами рукопись едва-ли содержитъ въ себѣ турецкій текстъ въ томъ видѣ, какой данъ ему настоящимъ творцомъ его. Этимъ мы хотимъ сказать, что въ текстъ теперешней рукописи введены позднѣйшими переписчикомъ, или, переписчиками даже нѣкоторыя подновленія соотвѣтственно духу времени, когда писалась послѣдняя копія».

Рукопись по разнымъ признакамъ относится В. Д. Смирновымъ къ XV в. «Содержаніе же статей, относящихся къ Византіи и ея древностямъ, безъ сомнѣнія, носятъ всѣ признаки гораздо ранняго происхожденія» (стр. 23—24).

Разъясненію этого посвящена глава V, стр. 24—29. Прежде чѣмъ перейти къ ней, попытаемся вкратцѣ изобразить, въ какомъ видѣ представляется нашему изслѣдователю генеалогія, если можно такъ выразиться, турецкаго памятника. Если мы только вѣрно поняли В. Д. Смирнова, то дѣло стоитъ такъ:

А.

Обширное космографическое сочинение, изъ котораго было составлено —

Б.

Сокращение, *Мухтасар* مختصر, написанное по персидски; авторъ его однако «едва-ли былъ персіянинъ, а скорѣе турокъ или изъ Средней Азіи или даже изъ Передней Азіи».

В.

Турецкій памятникъ, подлежащій изслѣдованію, и представляющійся «очень значительною передѣлкою почти-что равную по своему значенію оригиналу».

Г.

Глоссы переписчика или, быть можетъ, даже переписчиковъ, вкравшіяся въ текстъ единственной дошедшей до насъ рукописи.

II.

Для того, чтобы сознательно пользоваться матеріаломъ, сохранившимся въ рукописи Британскаго Музея, мы очевидно должны, насколько возможно, себѣ выяснить *во-первыхъ*, какія именно сказанія и показанія принадлежатъ каждому изъ этихъ четырехъ фазисовъ или наслоеній, *во-вторыхъ*, къ какому времени относится каждое изъ этихъ наслоеній и *въ-третьихъ*, къ какому классу людей принадлежали тѣ лица, которыя сочиняли, сокращали, передѣлывали и глоссировали. Изъ предыдущаго мы узнали, что авторъ Б, т. е. персидскаго *Мухтасара*, «скорѣе всего былъ турокъ изъ Средней или даже изъ Передней Азіи», авторъ В, т. е. теперешней турецкой версіи «во всякомъ случаѣ вѣроятно» былъ турокъ Рума, т. е. Малой Азіи. Авторы глоссъ, вкравшихся въ текстъ, уже конечно были самые настоящіе турки, это разумѣется само собою. Когда-же, приблизительно жили всѣ эти лица? Только относительно глоссатора мы въ пятой главѣ узнаемъ, что онъ долженъ былъ жить и дѣйствовать уже послѣ перехода Константинополя во власть турокъ¹⁾, и только относительно его участія даются опредѣленные

1) Стр. 26—28. Такъ какъ Константинополь палъ въ 1453 г., а сама рукопись В. Д. Смирновымъ относится къ XV столѣтію, то получается довольно точное указаніе на время составленія глоссъ, именно 2-я половина XV стол. Отмѣтимъ однако, что Рѣе относитъ рукопись къ XVI в.

указанія: глоссатору принадлежатъ двѣ замѣтки. Первая поставлена въ текстѣ послѣ разсказа о томъ, какъ мусульманскихъ плѣнныхъ убивали въ Константинополѣ послѣ одной христіанской церемоніи, и гласитъ такъ:

«Очевидно, что разсказываемыя въ этомъ мѣстѣ обстоятельства касательно Истамбула были въ прежнее время, потому что теперь, какъ извѣстно, нѣтъ этого» (стр. 26).

Тутъ В. Д. Смирновъ особенно напираетъ на единственный случай въ рукописи употребленія имени «Стамбуль», тогда какъ вездѣ въ рукописи Константинополь называется *Константинійѣ*²⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ находитъ, что мотивомъ для вставленія этой замѣтки было то, что позднѣйшій переписчикъ сказаній «турка стараго времени»,

«... не вытерпѣлъ, чтобы не заявить своего горделиваго протеста противъ такого обиднаго для его турецко-мусульманской чести обстоятельства... Всего вѣроятно даже то, что оговорка впервые-то была сдѣлана на поляхъ, а не въ текстѣ, куда она, надо полагать, введена уже впослѣдствіи досужестію позднѣйшихъ переписчиковъ, которые иногда поавторски распоряжаются съ чужими произведеніями» (стр. 27).

Другую глоссу, вкравшуюся въ текстъ, В. Д. Смирновъ находитъ въ замѣткѣ, стоящей вѣдѣ за перечнемъ многочисленной и богатой утвари Св. Софіи и гласящей такъ:

«Разсказывается еще нѣсколько сказокъ относительно обилія серебра и золота, которыя надо приписать лжи, и по этой причинѣ можно удовольствоваться лишь этими подробностями».

Въ этой замѣткѣ В. Д. Смирновъ находитъ такую рѣзкость тона, которая

«... вообще не согласуется съ мягкимъ тономъ остальныхъ статей турецкой версіи. А затѣмъ выраженіе «можно удовольствоваться» указываетъ на урѣзку чего-то въ содержаніи текста, которую, очень вѣроятно, и сдѣлалъ позднѣйшій переписчикъ, руководимый тѣмъ же чувствомъ гнѣвной нетерпимости, какую онъ проявилъ и въ другой своей замѣткѣ. Обѣ оговорки мало вяжутся съ духомъ положительнаго направленія въ турецкомъ текстѣ и отсутствія расположенія къ рѣзкой критикѣ въ первоначальномъ составителѣ этого текста. То и другое отзывается вышнюю, плохо закрашенною приставочностью, не гармонирующею съ склонностью автора настаивать на истинности своихъ повѣствованій» (стр. 27—28).

1) В. Д. Смирновъ почему-то считаетъ эту форму за турецкую. См. стр. 28.

Тутъ по крайней мѣрѣ опредѣленно высказано, что извѣстныя мѣста принадлежать не автору турецкаго памятника, а переписчику, жившему уже послѣ паденія Константинополя. Можно не соглашаться съ мнѣніемъ почтеннаго изслѣдователя, по той или другой причинѣ, но надо съ благодарностью признать, что сдѣлана попытка къ выдѣленію изъ состава рукописи ея послѣдняго наслоенія.

Сдѣлано-ли то-же самое относительно другихъ наслоеній? И если нѣтъ, то нѣтъ-ли по крайней мѣрѣ попытки опредѣлить сколько нибудь точно *время* турецкаго переводчика (или передѣльвателя) съ одной стороны и автора персидскаго оригинала съ другой?

Мы уже видѣли выше, что попытка выдѣленія того, что принадлежитъ турецкому переводчику, собственно говоря, сдѣлана не была. Было очень рѣшительно высказано мнѣніе, что внесенное переводчикомъ или передѣльвателемъ очень значительно и почти-что равняется оригиналу, и какъ будто было указано на то, что нѣкоторые мѣста, гдѣ въ извѣстномъ тогѣ говорится о Румѣ, могутъ принадлежать турецкому переводчику.

О времени-же сего послѣдняго мы не узнаемъ ничего точнаго, хотя вопросъ этотъ затрогивается въ разныхъ мѣстахъ.

Такъ, указавъ ¹⁾ на то, что нѣкто Абу-ль-Муты' Балхи, отъ имени котораго сообщается особенно много рассказовъ, является современникомъ Абу-ль-Аббаса Кюсэ, бывшаго губернаторомъ Бухары въ 317 г. хиджры, В. Д. Смирновъ говоритъ:

«Такая ранняя дата, относящаяся къ времени жизни и дѣятельности одного изъ главныхъ лицъ, о которыхъ и отъ которыхъ ведутся многія повѣствованія въ турецкомъ памятникѣ, косвеннымъ образомъ заставляетъ думать, что и этотъ послѣдній получилъ свое бытіе еще въ то время, когда было свѣжо преданіе, хотя бы даже и книжное только, о путешественникѣ Абу-Муты'ѣ Балхи и его приключеніяхъ; когда сношенія Передней Азіи съ Средней Азіею были очень оживленныя, да и самое литературное общеніе турковъ румскихъ съ выдающимися дѣятелями тогдашнихъ центровъ мусульманской учености Самарканда и Бухары могло быть зауряднымъ явленіемъ» (стр. 17).

Такое опредѣленіе времени болѣе чѣмъ темно, и я не думаю, чтобы какой нибудь оріенталистъ, не говоря уже о неоріенталистахъ, былъ въ состояніи сказать, какое собственно время слѣдуетъ тутъ разумѣть.

Далѣе очень странно выраженіе «книжное преданіе» и еще страннѣе, что здѣсь вообще говорится только о томъ, когда «получилъ свое бытіе»

1) Стр. 16—18.

турецкій памятникъ и ни словомъ не упомянуто о томъ, что цитаты изъ Абу-Муты'я Бальхи могли принадлежать не автору турецкаго перевода, а автору персидскаго оригинала. Тѣмъ болѣе все это странно, что В. Д. Смирновъ нѣсколько ниже, стр. 20, совершенно правильно заявляетъ, что

«такъ какъ турецкій текстъ есть только переводъ, или, вѣрнѣе сказать, передѣлка другого какого-то сочиненія, то вопросъ о времени происхожденія этого памятника также понеобходимости раздвояется».

Персидскій оригиналъ, по мнѣнію Рѣе, былъ написанъ около половины 4-го вѣка (= полов. X-го в. по Р. Хр.) и В. Д. Смирновъ повидимому вполне принимаетъ это мнѣніе, такъ какъ никакихъ возраженій противъ него не дѣлаетъ. Но въ такомъ случаѣ совершенно непонятно, почему время созданія турецкаго памятника приводится въ связь съ путешественникомъ X-го вѣка Абу-Муты'емъ и свѣжестью преданія о немъ. Очевидно, что такая связь можетъ существовать только для времени составленія персидскаго оригинала.

Въ концѣ IV главы В. Д. Смирновъ, указавъ на то, что рукопись относится къ XV вѣку, говоритъ, что содержаніе статей, относящихся къ Византіи и ея древностямъ,

«безъ сомнѣнія, носятъ всѣ признаки гораздо ранняго происхожденія. Постараемся разъяснить это въ подробностяхъ».

и затѣмъ главу V начинаетъ такъ:

«Содержаніе статей, касающихся христіанско-византійскихъ древностей и всего болѣе изобличающихъ принадлежность составителя турецкаго извода разсматриваемаго нами сочиненія къ туркамъ Малой Азіи таково, что оно вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ о довольно отдаленной давности самаго составленія этого извода» (стр. 24).

«Довольно отдаленная давность» опять едва ли можно считать особенно точнымъ опредѣленіемъ. И какія-же есть доказательства въ пользу того, что эти свѣдѣнія о византійскихъ древностяхъ принадлежатъ именно составителю турецкаго извода, а не автору персидскаго оригинала?

Далѣе въ V-ой главѣ говорится о двухъ статьяхъ, предшествующихъ въ турецкой рукописи сказаніямъ о византійскихъ древностяхъ. Онѣ трактуютъ: одна о Іерусалимѣ и Гробѣ Господнемъ¹⁾, другая о древностяхъ Египта. Затѣмъ слѣдуютъ разсужденія, уже выше отмѣченныя, о двухъ

1) Палестиновѣдъ считаетъ нужнымъ предупредить, что упоминаемая тамъ (стр. 24) церковь, именуемая «церковью Тюрбанъ», есть просто извѣстная «церковь Воскресенія», и явилась въ тур. текстѣ вслѣдствіе легкой опіски العمامة вм. القمامة. Подъ церковью «Кягананъ» столь-же несомнѣнно скрывается «церковь Сіона» الصهيون арабскихъ писателей.

гlossахъ, вкравшихся будто бы въ текстъ и имѣющихъ авторомъ переписчика, жившаго уже послѣ паденія Константинополя, изъ чего, какъ мы видѣли, вытекаетъ выводъ, что турецкій переводчикъ жилъ до этого паденія, выводъ, который въ положительной формѣ выраженъ на стр. 27 и 28. Въ концѣ главы мы читаемъ (стр. 28—29):

«Другое не менѣе важное¹⁾ обстоятельство, говорящее въ пользу давности происхожденія турецкой версiи, заключается въ слѣдующемъ. Печатаемые извлеченія въ большей своей части имѣютъ своимъ содержаниемъ описанія Св. Софiи и христiанскихъ церемонiй, отправлявшихся въ этомъ знаменитомъ храмѣ а между тѣмъ этотъ храмъ ни разу не названъ во всей рукописи своимъ, столь излюбленнымъ и у турковъ именемъ Ая-Суфья — *ايا صوفيه* —, а лишь анонимно указывается въ такомъ выраженiи, какъ одна церковь — *بر كنيسه* —. Такая анонимность приличествуетъ только стариннымъ не только-что неопредѣленнымъ, но и отдаленнаго времени преданiямъ, и совсѣмъ неумѣстна была бы въ повѣствованiи, относящемся къ извѣстной и довольно поздней исторической эпохѣ.

Все это, слѣдовательно, говоритъ за довольно большую давность турецкой версiи. А если такъ, то содержащiяся въ ней легендарныя преданiя прiобрѣтаютъ нѣкоторое значенiе»

Читатель видитъ, что и въ конечномъ результатѣ мы ничего сколько нибудь точнаго не узнаемъ: «Давность», «довольно большая давность», «довольно отдаленная давность», «время, когда было свѣжо преданiе, хотя бы даже и книжное только» о такомъ-то путешественникѣ, «время, когда такiя-то сношенiя были очень оживленныя» и «литературное общенiе между такими-то странами могло быть зауряднымъ явленiемъ» — это такiя опредѣленiя, съ которыми, выражаясь вульгарно, далеко не уѣдешь. Они безполезны для того, кто хочетъ сознательно пользоваться сообщаемымъ матеріаломъ.

Нѣкоторымъ утѣшенiемъ служить намъ только то, что изъ приведенныхъ выписокъ мы по крайней мѣрѣ можемъ сдѣлать выводъ, что В. Д. Смирновъ сказанiя о византiйскихъ древностяхъ считаетъ принадлежащими турецкому переводчику-передѣльвателю, а не автору персидскаго подлинника, хотя никакихъ доказательствъ въ подкрѣпленiе этого предположенiя и не приводитъ.

1) Т. е. не менѣе важное, чѣмъ имя Костантиниѣе вм. Стамбулъ.

III.

Намъ кажется, что при всей скудости данныхъ, которыя мы имѣемъ о неполномъ лондонскомъ спискѣ для рѣшенія занимающихъ насъ вопросовъ, можно было прийти къ нѣсколько болѣе яснымъ и опредѣленнымъ результатамъ. Методологическая ошибка В. Д. Смирнова на нашъ взглядъ заключается въ томъ, что онъ въ своемъ изслѣдованіи исходитъ не изъ того, что *есть*, а изъ того, что по его мнѣнію *должно* быть. Въ рукописи *есть* прямое указаніе на то, что мы имѣемъ дѣло съ переводомъ. Въ рукописи *есть* нѣсколько, отмѣченныхъ въ каталогѣ Рѣ и не опровергнутыхъ В. Д. Смирновымъ, показаній, *требующихъ* отнесенія оригинала этого перевода къ половинѣ 4-го вѣка (X-го по Р. Хр.) и дѣлающихъ весьма *откровеннымъ* предположеніе, что авторъ жилъ въ Средней Азіи. Правильный приемъ при такомъ положеніи дѣла состоялъ бы въ томъ, чтобы тщательно выдѣлять тѣ мѣста текста, которыя по внутреннимъ признакамъ явно противорѣчатъ двумъ, съ достаточною мотивировкой выставленнымъ, тезисамъ Рѣ. Если-бы затѣмъ въ выдѣленныхъ мѣстахъ нашлись свѣдѣнія различнаго характера, т. е. съ одной стороны такія, которыя могли быть передаваемы только лицомъ, жившимъ, скажемъ примѣрно, до паденія Константинополя, и съ другой стороны такія, которыя могли быть извѣстны только лицу, жившему послѣ, тогда конечно возникъ бы вопросъ объ участіи еще третьяго лица, т. е. переписчика, въ составленіи дошедшаго до насъ текста. Если-же такія противорѣчащія другъ другу показанія не нашлись бы въ выдѣленныхъ изъ первоначальнаго состава мѣстахъ, то эти именно мѣста и составили бы вкладъ переводчика и все остальное должно бы было быть признаннымъ за собственность автора персидскаго оригинала. Затѣмъ наступила бы очередь вопроса объ источникахъ, изъ которыхъ черпали, съ одной стороны авторъ оригинала, съ другой — переводчикъ. Результатъ этотъ, конечно, также былъ бы только условный, временный — до полученія изъ какихъ-нибудь новооткрытыхъ источниковъ новыхъ матеріаловъ, но это уже неизбежная судьба всѣхъ подобныхъ изслѣдованій. Долгъ изслѣдователя исполнить, когда онъ, добросовѣстно примѣняя выработанные наукою приемы, дойдетъ до возможныхъ при ихъ примѣненіи результатовъ. За безотносительную неудовлетворительность ихъ онъ не отвѣчаетъ.

В. Д. Смирновъ исходитъ изъ общихъ, такъ сказать, догматически высказываемыхъ имъ положеній, которыя, правда, заключаютъ въ себѣ извѣстную долю истины, но далеко не всю истину и поэтому совершенно

непригодны какъ исходныя точки для очень прозаическихъ изслѣдованій о наслоеніяхъ въ данномъ памятникѣ.

«Для средневѣковыхъ людей», читаемъ мы на стр. 12—13, «а тѣмъ болѣе для восточныхъ людей не было строгаго разграниченія между возможнымъ и невозможнымъ, между дѣйствительностью и вымысломъ воображенія. Отъ того-то пылливость, соединенная съ непросвѣщенностью, и породила такое огромное множество космографическо-географическихъ энциклопедій, которыя въ литературахъ арабской, персидской и турецкой носятъ стереотипное названіе *عجائب المخلوقات* = «Чудеса Твореній». Къ такимъ-то энциклопедіямъ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, и настоящій безымянный турецкій памятникъ, по своему содержанію, хотя въ немъ и не соблюдено той обычной системы въ расположеніи заключающагося въ немъ матеріала, какая соблюдается въ такихъ энциклопедіяхъ.

Послѣднее обстоятельство можно приписать тому, что хотя составленіе теперешней турецкой редакціи памятника и называется, какъ мы уже сказали, только лишь переводомъ» (п. пр. ¹⁾).

Читатель видитъ, какое роковое вліяніе имѣли эти общія теоріи, на ходъ изслѣдованія: космографическо-географическихъ энциклопедій огромное количество, матеріаль ихъ «обычно» располагается въ извѣстномъ порядкѣ. Подлежащій изслѣдованію памятникъ располагаетъ свой матеріаль въ другомъ порядкѣ. Отчего? Очень просто: памятникъ самъ выдаетъ себя за переводъ, а такъ какъ понятіе о переводѣ для «восточныхъ людей», совпадаетъ съ понятіемъ о передѣлкѣ, то памятникъ является уже «очень значительною передѣлкою, почти-что равною по своему значенію оригиналу».

Въ дѣйствительности «огромнаго» множества космографическо-географическихъ энциклопедій никогда не было. Обычный для *всѣхъ* порядокъ распредѣленія матеріала, тоже не существуетъ: одни сочиненія распредѣляютъ матеріаль такъ, другія иначе, и, главное, всѣ специально космографическія сочиненія, которыя мы до сихъ поръ знаемъ, принадлежать болѣе позднему времени и поэтому принятый въ нихъ способъ изложенія можетъ совершенно не соответствовать способу, принятому въ такомъ древнемъ сочиненіи, каковымъ является персидскій подлинникъ нашего памятника. И, наконецъ, какъ уже было указано выше, теорія о значеніи слова «переводъ» у восточныхъ людей есть только констатированіе того, что можетъ быть, но можетъ и не быть.

1) Слѣдуетъ выше, стр. 371, приведенное объясненіе того, что восточные люди понимаютъ подъ переводомъ.

IV.

Взглянувъ на нашъ памятникъ безъ предвзятыхъ теорій и принявъ въ соображеніе только приводимыя д-ромъ Рьё и В. Д. Смирновымъ данныя о рукописи, мы придемъ къ неизбежному выводу, что *до поры до времени мы принуждены* исключить изъ состава персидскаго подлинника только 1) одну изъ тѣхъ оговорокъ, которыя В. Д. Смирновъ считаетъ глоссами, вкрапившимися въ текстъ и 2) тѣ мѣста, отмѣченныя имъ, въ которыхъ указывается, что такой-то предметъ называется въ Румѣ такъ-то, или соотвѣтствуетъ въ Румѣ тому-то. Оговорку о томъ, что «разсказываемыя въ этомъ мѣстѣ обстоятельства касательно Истамбула были въ прежнее время, потому что теперь, какъ извѣстно, нѣтъ этого», мы *обязаны* исключить потому, что она, очевидно, подъ словомъ «теперь» разумѣетъ такое время, когда уже греки не властвовали въ Константинополь, какъ совершенно правильно толкуетъ это мѣсто и В. Д. Смирновъ, стр. 26. Замѣтки о Румѣ мы *обязаны* исключить потому, что въ нихъ приводятся османскія слова, а въ половинѣ X-го вѣка въ Румѣ, т. е. въ Малой Азіи, еще не можетъ быть рѣчи ни объ османскомъ языкѣ, ни объ османскихъ писателяхъ, ни о Румилійскомъ вилаетѣ. Другая-же отмѣченная В. Д. Смирновымъ оговорка, именно о лживости сказокъ о богатствѣ константинопольскихъ церквей, дѣйствительно *могла бы* принадлежать турецкому переводчику, но могла бы также стоять уже въ персидскомъ подлинникѣ или, даже, въ его источникѣ. См. ниже, стр. 392 и 394.

Выдѣливъ такимъ образомъ въ *предѣлахъ возможности* тотъ матеріалъ, который *не можетъ* принадлежать автору оригинала, мы прежде всего установимъ, что въ немъ никакихъ противорѣчащихъ другъ другу вещей нѣтъ, и что онъ поэтому цѣликомъ принадлежитъ одному лицу, подъ которымъ конечно ближе всего разумѣть турецкаго переводчика. Далѣе мы признаемъ безъ труда, что выдѣленный матеріалъ такъ незначителенъ, что даетъ только очень немногое для опредѣленія времени и мѣста дѣятельности его автора. Ясно, что онъ былъ турокъ-османлы, изъ Малой-ли Азіи или изъ Румелии, и весьма вѣроятно, что жилъ и писалъ послѣ паденія Константинополя и слѣдовательно во второй половинѣ XV столѣтія. Попутно мы устранимъ всякое колебаніе относительно опредѣленія мѣста жизни автора персидскаго оригинала, и мы смѣло можемъ его считать уроженцемъ или обитателемъ Средней Азіи, а вопросъ о томъ, принадлежалъ-ли онъ къ *национальности* персидской или тюркской, мы можемъ спокойно оставить совершенно въ сторонѣ, ибо онъ *во-первыхъ* не имѣетъ никакой важности и

во-вторых мы не имѣемъ положительныхъ данныхъ для его рѣшенія ¹⁾. Но что онъ *писалъ* по персидски, это болѣе чѣмъ вѣроятно.

Такими намъ представляются заключенія, которые могутъ быть сдѣланы изъ данныхъ, сообщенныхъ о турецкой рукописи въ каталогѣ Рѣй въ вступительныхъ главахъ изслѣдованія В. Д. Смирнова. Очень возможно, что съ открытіемъ полной рукописи нашего памятника, или даже при болѣе систематическомъ изслѣдованіи сохранявшагося неполнаго списка, пришлось бы ихъ нѣсколько измѣнить, особенно въ вопросѣ объ отношеніяхъ переводчика къ оригиналу, но — это уже дѣло будущаго. Читатель видитъ, что мы имѣемъ дѣло съ памятникомъ, приобретающимъ очень большое значеніе, благодаря въ достаточной мѣрѣ уже теперь выясненной его древности.

V.

Спрашивается, есть-ли какая нибудь возможность узнать что-нибудь объ источникахъ нашего памятника. Къ этому существуютъ только два пути: *первый* — разборъ находящихся въ самомъ текстѣ прямыхъ указаній на источники, изъ которыхъ черпалъ авторъ; *второй* — сопоставленіе самыхъ сказаній его со сказаніями другихъ авторовъ о тѣхъ-же предметахъ тамъ, гдѣ это возможно. Рѣ въ своемъ описаніи конечно долженъ былъ ограничиться первымъ способомъ и весьма старательно отмѣчаетъ встрѣчающіяся въ текстѣ цитаты и ссылки. Онъ-то главнымъ образомъ и служилъ ему основаніемъ для отнесенія сочиненія къ половинѣ 4-го вѣка. В. Д. Смирновъ къ немногимъ именамъ, названнымъ у Рѣ ²⁾, прибавляетъ какого-то Абд-ул-Муканна ³⁾, въ которомъ можетъ быть скрывается Абдаллах-ибн-ал-Мукаффа. Кромѣ Абу-Муты'я Бальхи всѣ другія имена авторитетовъ приводятся въ рукописи по одному или по два, по три раза, такъ что мы очень жалѣемъ, что В. Д. Смирновъ не счелъ нужнымъ хотя бы вкратцѣ указать, какого рода свѣдѣнія сообщаются со словъ каждого

1) Приводимые В. Д. Смирновымъ (см. выше, стр. 373) аргументы противъ его персидскаго происхожденія весьма мало убѣдительны, такъ какъ изъ нихъ можно, и то съ трудомъ, вывести только нѣкоторую антипатію къ древнимъ персамъ, не-мусульманамъ, а никакъ не къ персамъ-правовѣрнымъ.

2) Замѣтимъ кстати, что Рѣ совершенно правъ называя автора *الحکمة* Ali *فردوس* B. Rebben, а не Али б. Зейяъ, такъ какъ Али б. Раббанъ довольно извѣстный арабскій авторъ еврейскаго происхожденія. Его сочиненіе вдобавокъ сохранилось и описано тѣмъ-же Рѣ въ арабск. катал. Брит. Муз., стр. 774.

3) Стр. 15. Такъ какъ *المقتع* не есть эпитетъ Божій, то имя *عبد المقتع* совершенно невозможно и описка тутъ обязательно должна быть.

изъ немногихъ цитованныхъ лицъ. Объ Абу-Муты'ѣ Бальхи, впрочемъ, мы узнаемъ нѣкоторыя интересныя подробности на стр. 16. Особенно-же счастливой находкой мы считаемъ то, что В. Д. Смирновъ отмѣтилъ ссылку на Абу-Муты'я въ антологіи персидскаго компилятора Ауфи (XIII в.); см. стр. 44 и ср. стр. 73—74. Изслѣдованіе этой интересной антологіи вѣроятно дастъ еще цѣлый рядъ совпаденій и весьма возможно, что Ауфи пользовался между прочимъ и персидскимъ оригиналомъ нашего памятника. Къ вопросу объ источникахъ относится еще замѣчаніе на стр. 18, гдѣ В. Д. Смирновъ послѣ указанія на то, что авторъ обнаруживаетъ нѣкоторое знакомство со страной саклабовъ, т. е. древнихъ славянъ, съ булгарами (волжскими) и съ Кавказомъ, говоритъ слѣдующее:

«Что онъ почерпалъ свои свѣденія если не изъ непосредственныхъ собственныхъ наблюденій, то по крайней мѣрѣ чрезъ разспросы отъ бывавшихъ въ тѣхъ странахъ людей, это выходитъ изъ содержанія самыхъ разсказовъ, въ которыхъ хотя частности иногда и отзываются вымысломъ фантазіи, но основа почти всегда вѣрна какой-нибудь дѣйствительности».

Если основа его разсказовъ объ извѣстныхъ странахъ почти всегда вѣрна «какой-нибудь дѣйствительности», то это конечно доказываетъ, что источники нашего автора были болѣе или менѣе надежны, но не даетъ намъ никакого права формулировать такую дилемму: авторъ или былъ самъ на мѣстѣ, или разспрашивалъ побывавшихъ тамъ. Вѣдь есть еще третья возможность, почему-то совершенно упущенная изъ вида нашимъ изслѣдователемъ. Авторъ могъ эти разказы прямо выписать изъ какой-нибудь книги, цѣликомъ или въ сокращенномъ видѣ.

Благодаря небольшому количеству ссылокъ въ изслѣдуемомъ памятникѣ *первый* способъ опредѣленія его источниковъ могъ дать лишь немного положительныхъ результатовъ. Остается слѣдовательно обратиться ко *второму* способу, т. е. сопоставленію сообщаемыхъ въ турецкой рукописи извѣстій или сказаній съ показаніями другихъ сочиненій того-же или подобнаго ему типа. Это — способъ сложный и нелегкій и само собою разумѣется, что онъ не можетъ быть сразу примѣненъ ко всему сочиненію. В. Д. Смирновъ могъ посвятить въ Лондонѣ изученію турецкаго памятника лишь сравнительно немного времени и весьма естественно, что, заинтересовавшись специально описаніемъ Константинополя и списавъ его, онъ предпочелъ оставшееся въ его распоряженія время употребить на изученіе другихъ турецкихъ рукописей Британскаго Музея, въ которыхъ можно было надѣяться найти свѣдѣнія о древнемъ Константинополѣ, и поэтому не успѣлъ списать весь турецкій кодексъ. Онъ имѣлъ тѣмъ болѣе право такъ

поступить, что именно сказанія о Константинополѣ представляютъ своего рода *цѣлое* и уже по своему объему выдѣляются среди большею частью короткихъ разсказовъ о другихъ мѣстахъ и диковинкахъ. Рѣшившись издать эти сказанія съ подлежащими объясненіями, В. Д. Смирновъ конечно не могъ обойти вопроса о томъ, какимъ путемъ сложились эти сказанія и въ какомъ отношеніи они стоятъ къ подобнымъ же повѣствованіямъ другихъ авторовъ, турецкихъ и не турецкихъ. Касается онъ этого вопроса въ первыхъ двухъ главахъ вступленія и много разъ возвращается къ нему въ комментаріи. Въ первой вступительной главѣ В. Д. Смирновъ, коротко охарактеризовавъ въ очень сильныхъ, но едва-ли справедливыхъ — во всякомъ случаѣ ровно ничего не объясняющихъ — выраженіяхъ историческую роль турокъ и бесплодность и безцѣльность ихъ болѣе чѣмъ 400-лѣтняго пребыванія «въ такомъ чудномъ и замѣчательномъ мѣстѣ» какъ Константинополь, продолжаетъ¹⁾:

«Тѣмъ не менѣе однако же турки не были настолько уже слѣпы, чтобы не видѣть чужихъ созданій рукъ человѣческихъ, и, при всемъ своемъ невѣжествѣ и варварствѣ, не могли оставаться совершенно равнодушны къ величію и красотѣ этихъ созданій: такъ или иначе они предавались ихъ созерцанію, и, какъ умѣли, посвоему высказывались по этому поводу въ видѣ не то чтобы положительныхъ описаній или воспоминаній, какъ результатовъ трезвыхъ наблюденій и дѣйствительныхъ впечатлѣній, а больше въ формѣ фабульных сказаній, основанныхъ частію также на искужа заимствованныхъ преданіяхъ, частію, пожалуй, по собственному опыту, не подкрѣпленному однако же ни знаніями, ни образованіемъ».

Храмъ Св. Софіи, между всѣми памятниками Византіи занимающій безспорно первое мѣсто, еще задолго до завоеванія Константинополя турками

«...долженъ былъ привлекать къ себѣ вниманіе всѣхъ зрячихъ людей, въ томъ числѣ и видѣвшихъ его турковъ, которымъ доводилось бывать въ Константинополѣ, или даже жить тамъ въ особомъ кварталѣ, гдѣ турецкіе пришельцы имѣли свою мечеть и даже своего собственнаго администратора. Эта давнишняя повадка турковъ ходить въ городъ впослѣдствіи послужила основаніемъ и къ измышленію ими новаго имени «Истамбулъ»²⁾ для завоеваннаго ими Константинополя, ибо

1) Стр. 3.

2) Не можемъ не указать, что имя «Истамбулъ» не есть «измышленіе» турокъ, а *треккозъ*, какъ о томъ свидѣтельствуетъ уже Масуди (X в.); см. Bibl. Geogr. Arab. VIII, 139. У арабовъ оно было общезвѣстно задолго до паденія Константинополя. См. напр. Якути I, 300; IV, 95 (изъ Ибн-Хордадбѣх'а?).

это имя есть не что иное, какъ переиначенное греческое выраженіе *εις τὴν πόλιν* = «въ городъ».

Разъ такая повадка имѣла мѣсто для мусульманъ турецкаго или иного какого племени, то болѣе любопытные изъ нихъ могли посѣщать храмъ Св. Софіи и видѣть другія достопримѣчательности христіанскаго города; они иногда могли толпиться среди народа во время какихъ-либо празднествъ или иныхъ торжественныхъ молитвенныхъ сборищъ; могли осматривать храмы и другіе художественные памятники; видѣть церковное богослуженіе и обрядныя процессіи; спрашивать объ ихъ составѣ и значеніи у своихъ знакомыхъ или пріятелей изъ христіанъ же и затѣмъ, на основаніи всѣхъ такихъ данныхъ, сохранить объ этомъ письменныя воспоминанія, дополнивъ ихъ почерпнутыми изъ другихъ, напримѣръ даже книжныхъ, источниковъ преданіями, какъ это вообще водилось всюду въ средніе вѣка, не у однихъ восточныхъ народовъ» (стр. 3—4).

В. Д. Смирновъ затѣмъ приводитъ находящуюся у турецкихъ историковъ легенду о пребываніи въ Царьградѣ одного изъ сподвижниковъ Мухаммеда, Эюба¹⁾ Ансари, какъ косвенное доказательство обычности «издавнаго быванія турковъ въ Царь-Градъ и обозрѣванія ими Св. Софіи» (стр. 4).

Во второй вступительной главѣ бѣднымъ туркамъ опять сильно достается (стр. 6):

«Овладевъ Константинополемъ, турки, какъ невѣжды и мусульмане, не въ состояніи были понять высокаго внутренняго смысла и оцѣнить художественнаго достоинства этого богатаго наслѣдія совершенно чуждой для нихъ культуры Всякое ваятельное или живописное изображеніе казалось имъ при ихъ магометанскомъ религіозномъ міросозерцаніи богопротивнымъ идолствомъ, но въ то же время представлялось ихъ невѣжественному и до крайности суевѣрному воображенію таинственнымъ вмѣстилищемъ какой-то невѣдомой силы — талисманомъ — *طالسم* —: не даромъ же это послѣднее слово, будучи продуктомъ суевѣрной восточной фантазіи²⁾, въ томъ же своемъ значеніи вошло въ употребленіе и въ языкъ всѣхъ европейскихъ народовъ».

1) Читай: Абу Эюба.

2) Не можемъ не указать, что восточное происхожденіе слова «талисманъ» по меньшей мѣрѣ сомнительно. Арабское *طالسم* происходитъ отъ греч. *τέλεσμα* по общепринятому мнѣнію. — Кстати замѣтимъ, что *بلنباس*, которому арабы приписываютъ сооруженіе всякихъ «талисмановъ» въ Константинополѣ и другихъ мѣстахъ, есть не Плиній, какъ полагаетъ В. Д. Смирновъ (стр. 66), а Аполлоній Тіанскій.

Среди всеобщаго невѣжества однакоже нашлись и «болѣе любопытные и посвоему даже ученые книжники», которые иногда наводили справки о памятникахъ въ греческихъ источникахъ, непосредственно или съ чужою помощью. В. Д. Смирновъ особенно указываетъ на преданіе о покорителѣ Константинополя, который будто бы велѣлъ собрать изъ Рума и Фиренгистана всѣхъ знатоковъ исторіи изъ поповъ, монаховъ и архіереевъ и разспрашивалъ ихъ о строителяхъ города и царяхъ и т. д. Это преданіе упомянуто у нѣкоторыхъ турецкихъ историковъ, начиная съ современниковъ Мухаммеда Фатиха, о которыхъ тутъ-же и даются нѣкоторыя свѣдѣнія (стр. 7—10), и затѣмъ отмѣчается фактъ заимствованія турками, по крайней мѣрѣ позднѣйшими, нѣкоторыхъ свѣдѣній у византійскихъ писателей. Доказательствомъ служатъ встрѣчающіяся у нихъ такія выраженія какъ «по писаніямъ историковъ румскихъ» и то обстоятельство, что нѣкоторыя легендарныя сказанія турецкихъ писателей о построеніи Св. Софіи находятся у Павла Силенціарія въ особомъ его сочиненіи о построеніи Св. Софіи. Объясняется это по мнѣнію нашего изслѣдователя тѣмъ, что любознательные турки заимствовались такими свѣдѣніями отъ магометанъ-ренегатовъ, между которыми встрѣчались люди образованные. Этимъ кончается глава II-ая и въ самомъ началѣ слѣдующей, III-ей, еще разъ формулируется вкратцѣ результатъ предыдущихъ разсужденій (стр. 10—11):

«Такимъ-то, надо полагать, путемъ, т. е. путемъ литературнаго заимствованія и непосредственныхъ наблюденій и допытываній могъ сложиться и тотъ турецкій памятникъ, который издается нами теперь въ турецкомъ подлинникѣ съ переводомъ и справочными дополненіями и примѣчаніями».

Читатель вѣроятно будетъ нѣсколько разочарованъ этимъ результатомъ. Трудно представить себѣ еще другой путь, какимъ вообще проникаютъ свѣдѣнія объ одной странѣ къ писателямъ другой, помимо «литературнаго заимствованія и непосредственныхъ наблюденій и допытываній» и поэтому и безъ двухъ первыхъ вступительныхъ главъ изслѣдованія не мудрствующій лукаво читатель зналъ, что нашъ памятникъ не только могъ, но *долженъ* былъ сложиться именно такимъ путемъ. Но ему было бы конечно очень интересно знать, сложился-ли этотъ памятникъ только путемъ литературнаго заимствованія или только путемъ непосредственныхъ наблюденій или наконецъ и тѣмъ и другимъ путемъ вмѣстѣ, и неменѣе интересно было бы сколько-нибудь опредѣленно узнать, есть-ли возможность указать, какія именно сочиненія служили источниками турецкому переводчику или автору персидскаго подлинника. Далѣе, читатель, безъ сомнѣнія, будетъ

нѣсколько смущенъ тѣмъ, что вездѣ говорится только о «повадкѣ турковъ» ходить подъ разными предлогами въ Константинополь, о любознательности *турецкихъ* «посвоему ученыхъ книжниковъ» и т. д., и что ни единого слова не сказано объ арабахъ и ихъ постоянныхъ сношеніяхъ съ Константинополемъ въ мирное и военное время. Если-же В. Д. Смирновъ терминъ «турки» употребилъ въ смыслѣ «басурманинъ» или «нехристь», то это слѣдовало бы оговорить.

Но можетъ быть подробныя дополнительныя объясненія, занимающія стр. 43—141, вознаграждаютъ за эти недочеты введенія? Отчасти да; они въ одномъ отношеніи даютъ много: они свидѣтельствуютъ о большой начитанности автора въ позднѣйшей литературѣ османской, изъ которой приводятся интересныя аналогіи къ сказаніямъ нашего памятника и мимоходомъ и другія, болѣе или менѣе достойныя вниманія свѣдѣнія¹⁾. Не менѣе цѣнными являются и приводимыя параллельныя сказанія изъ древнерусскихъ памятниковъ. Все это было бы принято съ гораздо большей благодарностью, еслибы В. Д. Смирновъ намъ предварительно доказалъ *во первыхъ*, что относящіяся къ Константинополю извѣстія турецкаго памятника дѣйствительно принадлежать именно турецкому переводчику-передѣльвателю персидскаго оригинала, и *во вторыхъ*, что эти извѣстія являются древнѣйшей доступной намъ версіей сказаній о Константинополѣ. Ни того, ни другого, какъ мы видѣли, В. Д. Смирновъ не доказалъ. Систематическое упущеніе изъ вида всей *древней* арабской географической литературы²⁾ является въ объяснительныхъ примѣчаніяхъ В. Д. Смирнова такой-же крупной методологической ошибкой, какъ исхожденіе изъ разныхъ предвзятыхъ убѣжденій въ вступительныхъ главахъ. Только сопоставленіе сказаній анонимнаго турецкаго писателя съ показаніями арабскихъ географовъ и космографовъ можетъ дать намъ твердое основаніе для сужденія, какъ объ источникахъ его, такъ и объ относительной или абсолютной цѣнности и новизнѣ его сказаній. Только послѣ такого сопоставленія сообщаемый изъ восточнаго памятника матеріалъ станетъ годнымъ для историковъ-неоріенталистовъ и можетъ служить исходной точкой для изслѣдованій и объясне-

1) Обращаемъ между прочимъ вниманіе на стр. 100—101 (о видѣнномъ турецкимъ путешественникомъ Эвлія-Челеби въ деревнѣ Шем'унѣ древнемъ «Евангеліи» Петра), стр. 70—86 свѣдѣнія о чудесномъ скворцѣ (эти легенды, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, впрочемъ всѣ относятся къ Риму, а не къ Константинополю) и т. д.

2) Позднѣйшіе авторы иногда *мимоходомъ* цитуются въ примѣчаніяхъ, а именно Казвини, Эдриси, Абуль-Феда, Ибн-ал-Варди; ср. стр. 77, 79, 80, 89, 128, но и они далеко не использованы въ полной мѣрѣ.

ній, такъ какъ только тогда мы получаемъ возможность представить этотъ матеріалъ въ очищенномъ до извѣстной степени отъ случайныхъ искаженій видѣ.

VI.

Такое сопоставленіе съ древнеарабскими сказаніями о Константинополѣ дѣйствительно даетъ многое для правильной оцѣнки изданныхъ В. Д. Смирновымъ текстовъ. Читатель легко убѣдится въ этомъ изъ нижеслѣдующихъ наблюденій:

Переводъ изданныхъ В. Д. Смирновымъ текстовъ занимаетъ *восемь* страницъ (35—42). Изъ этихъ восьми страницъ безъ малаго *шесть* представляютъ болѣе или менѣе сильно скомканное и исковерканное произвольными перестановками и сокращеніями воспроизведеніе описанія Константинополя и Рима, которое читается у *Ибн-Ростэ* (Ибн-Даста), писавшаго около 290 (903). Изъ остальныхъ двухъ съ небольшимъ страницъ нѣсколько больше половины занимаютъ легенды, стоящія въ турецкой рукописи отдѣльно на л. 128—130. Остающіеся затѣмъ небольшіе отрывки частью читаются у Ибн-Хордадбѣх'а, Якута и Казвинія, частью мною пока не найдены у арабскихъ писателей. Последнее относится также къ только-что упомянутымъ легендамъ, которыми заканчивается переведенный В. Д. Смирновымъ текстъ. Въ частности получается такая картина этихъ параллельныхъ мѣстъ турецкаго текста и арабскихъ авторовъ ¹⁾:

Т. 35, 1—10	Казв. II, 407 ²⁾
— 35, 11—17	Пока мною не найдено
— 35, 18—36, 4	И. Р. 130, 17—132, 2
— 36, 4—8	И. Х. 110, 3—6; ср. Як. II, 149, 10—12
— 36, 9—12	Пока мною не найдено
— 36, 12—21	И. Р. 131, 14—132, 2
— 36, 21—32	И. Х. 110, 8—14; ср. Як. II, 149, 4—15.
— 36, 33—37, 6	И. Р. 132, 5—13.
— 37, 7—40, 7	И. Р. 131, 6—132, 10 и 132, 20—134, 17
— 40, 8—9	Прибавка турецкаго переводчика; см. выше, стр. 382.
— 40, 10—18	И. Р. 134, 23—135, 5.

1) Буквою Т. я обозначаю турецкій текстъ, который однако цитруется мною по страницамъ и строкамъ перевода. Буквы И. Р. означаютъ Ибн-Ростэ (= de Goeje, Bibl. Geogr. Arab. v. VII), И. Х.—Ибн-Хордадбѣх'а (ibid. v. VI), И. Ф.—Ибн-ал-Факх'а (ibid. v. V), Як.—Якута (ed. Wüstenfeld), Казв.—Казвинія (ed. Wüstenfeld).

2) Въ нѣсколько сокращенномъ видѣ.

Т. 40, 19—35	И. Р. 121, 14—122, 4
— 40, 36—41, 4	Пока мною не найдено
— 41, 5—12	И. Р. 122, 22—123, 7
— 41, 13—42, 35	Пока мною не найдено

Изъ этой таблицы легко усматривается, что *во-первыхъ* наиболѣе существенныя части сказаній турецкаго памятника такъ или иначе основываются на Ибн-Ростэ и Ибн-Хордабэһ'ѣ, и *во-вторыхъ*, что, какъ видно уже по цифрамъ страницъ, свѣдѣнія перваго изъ этихъ авторовъ воспроизводятся не въ томъ порядкѣ, въ какомъ они стоятъ въ изданіи de Goeje. Для того, чтобы оцѣнить по достоинству значеніе этого обстоятельства намъ придется нѣсколько остановиться¹⁾ на арабскихъ свѣдѣніяхъ о Константинополѣ и Римѣ. Мы говоримъ: и о Римѣ потому, что у арабскихъ географовъ и особенно у космографовъ описанія памятниковъ и диковинокъ этихъ двухъ городовъ весьма нерѣдко переплетаются, такъ что нужна извѣстная внимательность при толкованіи ихъ извѣстій, чтобы не отыскивать слѣдовъ того, что арабы говорятъ объ одномъ городѣ, въ другомъ²⁾.

VII.

Насколько можно судить по изданнымъ до сихъ поръ памятникамъ арабской литературы, всѣ арабскія описанія этихъ двухъ городовъ и находящихся въ нихъ памятниковъ и диковинокъ, повидимому, восходятъ главнымъ образомъ къ двумъ источникамъ, составленнымъ около 900 г. по Р. Х., т. е. 1) къ «книгѣ странъ» (или «городовъ») Ибн-ал-Факіһ-ал-һамаданіи и 2) къ «книгѣ драгоценныхъ жемчужинъ» Ибн-Ростэ³⁾. Оба эти сочиненія цѣликомъ до насъ не дошли. *Первое* сохранилось въ извлеченіи, сдѣланномъ довольно безтолково нѣкоторымъ аш-Шейзаріемъ, но у болѣе позднихъ авторовъ, особенно у Якута, сохранилось довольно много цитатъ изъ подлиннаго сочиненія Ибн-ал-Факіһ'а и между прочимъ такія, которыя въ извлеченіи аш-Шейзарія или не имѣются вовсе или имѣются въ сильно сокращенномъ и изуродованномъ видѣ. Къ цитатамъ послѣдней категоріи относятся также описаніе Константинополя и Рима, которое читается у

1) Но только въ общихъ чертахъ. Въ подробности мы здѣсь входить не можемъ. Мы надѣемся, что это удастся намъ сдѣлать въ другомъ мѣстѣ.

2) См. цитуемую въ слѣд. примѣчаніи статью Guidi, p. 196 и 209.

3) Когда I. Guidi писалъ свою превосходную статью «La Descrizione di Roma nei geografi arabi» (Archivio della Società Romana di Storia Patria, 1878, v. I, p. 173—218) не были еще изданы тома VI—VIII Bibl. geogr. ar., такъ что онъ долженъ былъ довольствоваться позднѣйшими компиляторами.

Якута подь словомъ *الرومية*, отчасти также у Казвинія, Идрисія и еще болѣе позднихъ авторовъ. Въ *подлинномъ* видѣ мы, слѣдовательно, Ибн-ал-Факїѣ'ова описанія *не имѣемъ*. Что оно въ свою очередь находится въ нѣкоторой зависимости отъ книги Ибн-Хордадбѣз'а, выходитъ изъ того факта, что у послѣдняго автора есть относящіяся сюда отрывки, очень близкіе по содержанію и частью по словамъ къ тексту Ибн-ал-Факїѣ'а, какъ мы его знаемъ изъ Якута и изъ извлеченія аш-Шейзарія. Судя по всѣмъ этимъ отрывкамъ въ описаніи Ибн-ал-Факїѣ'а преобладаетъ элементъ фантастическій и чувствуется сильная сбивчивость.

Отъ другого источника, книги «драгоценныхъ жемчужинъ» Ибн-Ростэ, до насъ дошла только седьмая часть, но въ ней именно читается описаніе Константинополя и Рима. Оно есть самое подробное и длинное описаніе этихъ городовъ, какое мы знаемъ у арабовъ, и носитъ совершенно особый характеръ, рѣзко отличающій большую часть его, *относящуюся къ Константинополю*, отъ всѣхъ другихъ сказаній арабовъ о царственномъ градѣ. Оно распадается на двѣ неравныя части. Первая, наиболѣе длинная часть, повидимому вся основывается на разсказѣ нѣкоего Харуна, сына Яхьи, взятаго греками въ плѣнъ и отправленнаго въ Константинополь. Разсказъ ведется съ его словъ и даетъ сперва краткій маршрутъ, стр. 119, 2—10, затѣмъ сравнительно подробное описаніе города. Онъ говоритъ о воротахъ 119, 12—17, объ ипподромѣ и состязаніяхъ въ немъ 120, 1—11, о дворцѣ царя 120, 11—121, 6, о «церкви царя» съ ея 4 дворами, о цистернѣ, изъ которой въ изображенія животныхъ на колоннахъ проведена вода, въ день «праздника ихъ» замѣняемая виномъ 121, 6—122, 10, о сокровищницѣ царя и о большой столовой, въ которой въ праздникъ Рождества угощаются мусульманскіе плѣнники, о большомъ органѣ и 12-дневномъ пиршествѣ 122, 10—123, 19. Затѣмъ идетъ описаніе торжественнаго выхода царя изъ внутреннихъ покоевъ въ большую соборную церковь 123, 20—124, 16, описаніе нѣкоторыхъ колоннъ и статуй, орологія, разныхъ мнимыхъ «талисмановъ», между прочимъ и тѣхъ, которые рѣшаютъ участь мусульманскихъ плѣнниковъ 124, 16—124, 17. Описаніе собственно Константинополя оканчивается указаніями на условія водоснабженія города 124, 17—22. Харунъ даетъ далѣе нѣкоторыя свѣдѣнія о монастыряхъ въ окрестностяхъ Константинополя 124, 23—125, 7, а затѣмъ маршрутъ сухимъ путемъ изъ Константинополя чрезъ страны славянъ и другія до Рима 125, 7—126, 10. Слѣдуетъ описаніе Рима: рѣка, дно и берега которой покрыты плитами изъ мѣди, большая церковь въ центрѣ города, съ башней украшенной «фигурой птицы «зурзур», чудесный сборъ спѣлыхъ оливокъ, изъ которыхъ выжимается масло для освѣщенія церкви, гробницы апостоловъ Симона-Петра и

Павла, церемонія отрѣзанія «царемъ» волосъ Петра и надѣленія ими подданныхъ (128, 10—129, 4), богатое убранство церкви, обиліе золотыхъ украшеній, крестовъ, многочисленность священнослужителей въ богатѣйшихъ одеждахъ, обычай всѣхъ жителей брить бороду и макушку головы, распросы рассказчика о причинѣ этого обычая и объясненіе его 129, 4—130, 7.

Слѣдуютъ 7 строкъ съ краткимъ описаніемъ пути изъ Рума до برطینیه, за которою уже прекращается обитаемость. Этимъ кончается то, что я называлъ выше *первой* частью показаній Ибн-Ростэ. Если исключить послѣднія семь строкъ, которыя представляютъ очевидно разспросныя свѣдѣнія هارۇنا, сына Яхъя, остальное описаніе сдѣлано этимъ послѣднимъ повидимому по собственнымъ наблюденіямъ, по крайней мѣрѣ во всемъ, что касается Константинополя, и отличается большими достоинствами, между которыми первое мѣсто принадлежитъ вообще говоря замѣчательной послѣдовательности разсказа. Въ немъ строго отдѣляется каждая составная часть 1) маршрутъ до Константинополя по Малой Азіи, къ сожалѣнію сильно сокращенный у Ибн-Ростэ, 2) описаніе Константинополя, 3) описаніе окрестныхъ монастырей, 4) путь изъ Константинополя въ Римъ, 5) описаніе Рима. Описаніе въ общемъ весьма трезвое, толковое; легендарный или фантастическій элементъ не совсѣмъ отсутствуетъ, но играетъ роль весьма скромную. Цифры мѣстами большія, но въ общемъ не прямо фантастичныя.

Вторая часть начинается на стр. 130, 17 и занимаетъ 1½ страницы. Ибн-Ростэ предпосылаетъ ей какъ бы въ видѣ заглавія слова: «Еще описаніе города Рима, которое мы нашли». Оно начинается съ заявленія, что городъ Римъ съ трехъ сторонъ окруженъ моремъ, затѣмъ описываетъ стѣны, рѣку Ф-с-тй-тй-л-с فسطاطالس между ними, рынокъ съ лавками, къ которому приходятъ суда по рѣкѣ; указываетъ число церквей, монастырей, монаховъ, бань; говоритъ о большихъ рынкахъ, гдѣ съ субботы вечера до вечера воскресенья нѣтъ торговли, о мѣстахъ для обученія разнымъ наукамъ, и о большомъ числѣ всякой церковной утвари, крестовъ, священныхъ книгъ и наконецъ священнослужителей. Послѣднихъ, получающихъ жалованье насчитывается 48,000 и это число остается неизмѣннымъ: «какъ только одинъ умретъ, сейчасъ-же на его мѣсто ставятъ другого». За этими словами слѣдуетъ заключеніе такого рода: «Мы пропустили много подобныхъ вещей, помѣстить которыя цѣликомъ въ эту книгу мы не пожелали, находя (ихъ) лишними и слишкомъ многочисленными и по той еще причинѣ, что онѣ болѣе похожи на ложь, чѣмъ на правду, хотя все это и занесено въ книги и вращается среди людей, которые одобряютъ всё это и принимаютъ и согласились придавать ему вѣру». Этой второй части описанія посчастливилось гораздо больше чѣмъ

первой. Всѣ рѣшительно подробности ея находятся у тѣхъ авторовъ, которые пользовались, по собственному ихъ указанію, Ибн-ал-Факіһ'омъ.

Ибн-Ростэ, какъ мы видѣли, эту часть начинаетъ съ заявленія, что онъ это описаніе «нашелъ», и кончаетъ заявленіемъ, что подобныхъ вещей еще много есть въ книгахъ. Еслибы Ибн-Ростэ написалъ свою книгу позже Ибн-ал-Факіһ'а, то послѣдній и могъ бы быть понимаемъ подъ «книгами», въ которыя были занесены всѣ эти «болѣе похожія на ложь, чѣмъ на истину» свѣдѣнія. Но такъ какъ они писали одновременно, то болѣе вѣроятно, что совпаденія объясняются тѣмъ, что у обоихъ былъ одинъ общій источникъ. На это указываетъ также то обстоятельство, что часть этихъ, общихъ Ибн-Ростэ и Ибн-ал-Факіһ'у, свѣдѣній находится уже у Ибн-Хордабэһ'а, писавшаго лѣтъ на пятьдесятъ раньше¹⁾. Это наводитъ на мысль, что существовалъ какой-то сборникъ—самостоятельный-ли или въ видѣ отдѣла, главы другого сочиненія—сказаній о Римѣ и Константинополѣ, характера полугендарнаго, принаровленный ко вкусамъ обыкновенной грамотной публики и поэтому очень популярный. Существовать онъ долженъ былъ уже около половины 3-го вѣка гджры (IX-го в. по Р. Хр.), но составленъ онъ могъ быть и еще раньше. Болѣе трезвые и серьезные писатели изъ этого матеріала перенимали въ свои книги большее или меньшее количество данныхъ, при чемъ поступали различнымъ образомъ: одни тщательно отдѣляли эти свѣдѣнія отъ болѣе надежныхъ матеріаловъ, другіе переплетали матеріалы обѣихъ категорій; одни оговаривались, что прекрасно понимаютъ лживость, т. е. фантастичность такихъ сказаній, другіе не считали этого нужнымъ. Въ наиболѣе полной формѣ этотъ предполагаемый нами древній сборникъ²⁾ сказаній повидимому вошелъ въ книгу Ибн-ал-Факіһ'а, откуда отрывки затѣмъ перешли къ Якуту, Казвинію, Идрисию и другимъ. Полнаго текста Ибн-ал-Факіһа мы однакоже изъ этихъ отрывковъ возстановить *не можемъ*. Якутъ, который больше другихъ выписалъ изъ Ибн-ал-Факіһа, свои извлеченія кончаетъ заявленіемъ, что онъ не передаетъ *всею*³⁾, что рассказываетъ Ибн-ал-Факіһ.

1) Вторую редакцію книги Ибн-Хордабэһ'а de Goeje относитъ приблизительно къ 272 (885—886), первое — къ 232 (846—847); см. Bibl. geogr. ar. VI, xx.

2) Что эти древнія сказанія въ свою очередь въ *значительной* части своей содержатъ *отраженіе иреческихъ* сказаній, прямо или при посредствѣ *сирійскихъ* переводовъ, перешедшихъ къ арабамъ, какъ это предполагаетъ Guidi (l. I. 213—218) — едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ есть, какъ будто, слѣды, указывающіе на то, что въ *составленіи* предполагаемаго нами *сборника* ихъ не малую роль играли еврейскіе элементы, и не только доставленіемъ матеріала въ видѣ разсказовъ купцовъ и др. о видѣнномъ и слышанномъ (Guidi, l. I. 212), но и, такъ сказать, редакціонной работой; см. ниже стр. 401.

3) Якутъ II, лѹр, 19.

VIII.

Вернемся теперь къ нашему турецкому памятнику и посмотримъ, какое значеніе имѣть все изложенное для оцѣнки изданныхъ изъ него отрывковъ.

Прежде всего намъ нужно установить, получаемъ-ли мы теперь возможность выдѣлать принадлежащее переводчику отъ принадлежащаго автору оригинала, другими словами, есть-ли въ турецкомъ текстѣ такіа свѣдѣнія, которыя *не могутъ* принадлежать автору, писавшему около 330 (941) г. Отвѣтъ будетъ безусловно отрицательный, ибо 1) громадное большинство этихъ свѣдѣній оказывается совпадающимъ съ тѣмъ, что намъ сообщаютъ авторы болѣе ранней эпохи или-же авторы болѣе поздней, завѣдомо пользовавшіеся тѣми древними авторами, и 2) не разысканныя пока у этихъ авторовъ свѣдѣнія по своему содержанію и характеру совершенно подходятъ къ тѣмъ, которыя мы находимъ у Ибн-ал-Факіһ'а, и ихъ появленіе у нашего автора можетъ быть прекрасно объяснено тѣмъ, что онъ имѣлъ предъ собою хотя бы напр. полное сочиненія Ибн-ал-Факіһ'а. Мы, слѣдовательно, не имѣемъ никакого повода приписывать эти извѣстія турецкому переводчику и можемъ ихъ смѣло отнести къ персидскому оригиналу, составленному около 330 (941) г. Сомнѣнія на этотъ счетъ возникаютъ только относительно трехъ фразъ, а именно:

1) Замѣчанія на стр. 40, 8 и 9, о томъ, что «разсказанныя здѣсь относительно Истанбула обстоятельства бывали въ прежнее время, ибо теперь, вѣдь, нѣтъ этого». Выше, стр. 382, было уже сказано, что эти слова—прибавленіе переводчика.

2) Замѣчанія на стр. 37, 3—6 относительно лживости сказаній объ обиліи золота и серебра. О немъ было сказано выше, стр. 382, что оно могло бы быть вставкой турецкаго переводчика, но могло бы стоять уже и въ персидскомъ подлинникѣ или даже его источникѣ. Подчеркнутыя нами аналогичныя слова Ибн-Ростэ, приведенныя выше, стр. 392, показываютъ ясно, что турецкій переводчикъ *могъ* найти подобнаго рода протестъ уже въ персидскомъ оригиналѣ, который въ свою очередь могъ ихъ заимствовать изъ своихъ источниковъ. Подобный протестъ конечно могъ прійти въ голову также и турецкому переводчику, но объ *обязательномъ* исключеніи этого протеста изъ текста персидскаго подлинника не можетъ быть и рѣчи, и весь контекстъ, въ которомъ стоятъ эти слова, дѣлаютъ почти несомнѣннымъ, что турецкій переводчикъ и тутъ вѣрно слѣдуетъ своему подлиннику.

3) Одного замѣчанія, стоящаго въ турецкомъ текстѣ, но почему-то опущеннаго въ русскомъ переводѣ. На стр. 41, 14—17 мы читаемъ:

«Въ прежнее время могущество и слава румейцевъ были очень велики; но послѣ того какъ румейцы разорили Іерусалимъ, всевышній Господь-Истина возверзъ на нихъ всѣ бѣды и несчастія, потому что не проходитъ дня, чтобы изъ Румской страны не прибывали плѣнные». Послѣ этой тирады въ турецкомъ текстѣ стоятъ слова: *في الواقع بوترجه نك* *اصلی تالیف اولوندوغی زمان ابله ایش*, т. е. Въ дѣйствительности такъ было во время составленія подлинника этого перевода. Это замѣчаніе, къ которому мы еще вернемся, турецкій переводчикъ очевидно прибавляетъ отъ себя.

Изъ предыдущаго явствуетъ, что тщательный разборъ изданныхъ отрывковъ приводитъ къ тѣмъ-же результатамъ, къ которымъ насъ привели указанные въ каталогѣ Рѣ и въ вступительныхъ главахъ В. Д. Смирнова данныя о всемъ памятникѣ, т. е. къ тому, что мы не имѣемъ никакой причины сомнѣваться въ томъ, что нашъ турокъ даетъ намъ дѣйствительно переводъ, а не передѣлку: около 75 процентовъ извѣстій, содержащихся въ изданныхъ отрывкахъ, находятся въ сохранившихся арабскихъ сочиненіяхъ, которыми авторъ персидскаго подлинника могъ пользоваться. Остальной-же матеріалъ вполнѣ подходитъ къ одному изъ тѣхъ, вѣроятно имъ использованныхъ, источниковъ, которые въ полномъ видѣ до насъ не дошли, и во всякомъ случаѣ не показываетъ никакихъ признаковъ, которые требовали бы отнесенія его къ болѣе позднему времени, т. е. ко времени турецкаго переводчика. Редакціонныя замѣтки послѣдняго, наконецъ, кое-гдѣ вставленныя, или прямо оговорены имъ или имѣютъ цѣль обратить вниманіе читателя XV вѣка на обстоятельства, измѣнившіяся по сравненію съ показаніями древняго персидскаго оригинала, и легко выдѣляются изъ послѣдняго. Эти замѣтки говорятъ въ пользу сознательнаго отношенія переводчика къ своему дѣлу. То же отношеніе мы усматриваемъ и въ указаніяхъ на то, что такой-то предметъ «въ Румѣ», «у Румовъ», «въ Румилійскомъ вилаетѣ» называется такъ-то. Замѣчаніе относительно лживости рассказовъ о несмѣтныхъ богатствахъ церквей, какъ мы видѣли, почти буквально имѣется у Ибн-Ростэ, притомъ въ томъ же контекстѣ, почему мы съ большою вѣроятностью можемъ его считать отсюда заимствованнымъ, вмѣстѣ съ самими рассказами, его вызвавшими. Остается вопросъ о филологической точности перевода, или о томъ, есть-ли въ изданныхъ отрывкахъ какіе-нибудь слѣды, позволяющіе судить объ его достоинствѣ, въ смыслѣ вѣрной передачи словъ подлинника? Мы пока можемъ указать только на одинъ случай несомнѣнно *нестройной* передачи. На стр. 36, 36 — 37, а мы читаемъ:

«И есть тамъ восемь тысячъ человѣкъ, служащихъ солнцу; у каждаго изъ нихъ есть своя должность: если одинъ изъ нихъ убудетъ, то всегда на его мѣсто опять кого-нибудь назначаютъ».

Тутъ очевидно есть несообразность, превышающая мѣру дозволеннаго. Какъ бы ни преувеличивали древніе мусульманскіе писатели богатства церковей Рима и Константинополя, какія бы ни рассказывали чудеса о памятникахъ-талисманахъ, всё же появленіе 8000 солнцепоклонниковъ въ столицѣ христіанскаго міра, все-равно, въ Римѣ-ли или въ Константинополѣ, представляется болѣе чѣмъ страннымъ. Ни у одного древнеарабскаго географа или космографа ничего подобнаго нѣтъ и не могло быть.

У Ибн-Ростэ ۱۳۲, 8—10 читается *وفيها من الكهنة و الشمامسة من بجري عليهم الارزاق ثمانية واربعون الفا لا ينقص عددهم كلما مات احدهم اقاموا مكانه آخر* т. е. «И въ ней священниковъ и діаконовъ, получающихъ жалованье, — сорокъ восемь тысячъ человѣкъ, число которыхъ никогда не уменьшается: если одинъ изъ нихъ умретъ, то на его мѣсто ставятъ другого».

Какимъ образомъ священники и діаконы превратились въ солнцепоклонниковъ? Турецкій текстъ нѣсколько сокращенъ: выпало слово «сорокъ», такъ что вмѣсто 48,000 оказалось 8,000; вмѣсто священниковъ и діаконовъ осталась только одна категорія *كونشه طبر* «поклонниковъ солнца».

Діаконъ по арабски называется *сирійскимъ* словомъ *شماس* *шеммас*, отъ котораго арабы образовали такъ называемое ломанное множ. ч. *шеммаса*. Изъ послѣдней формы ничего похожаго на «солнце» не вычитаешь. Но форма единств. числа «шеммас» *شماس* для сколько-нибудь грамотнаго по арабски человѣка, но не особенно начитаннаго, является просто производнымъ отъ «*шес*» *شمس* солнце по извѣстному типу *فقال* *служашему* для образованія именъ, означающихъ человѣка, производящаго что-нибудь, постоянно занимающагося чѣмъ-нибудь и пр. Въ персидскомъ подлинникѣ по всей вѣроятности и стояла форма ед. ч. *شماس* или персидская множ. ч. *شساسان*, подавшая поводъ къ невѣрному переводу «служашій солнцу».

Не придавая этому случаю слишкомъ большаго значенія, мы все-таки видимъ въ немъ указаніе на то, что турецкій переводчикъ принадлежалъ къ разряду не особенно ученыхъ людей и, когда ему попадалось въ подлинникѣ арабское слово, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, обиходныхъ, былъ способенъ переводить его на обумъ. Эту возможность чисто филологическихъ недоразумѣній со стороны турецкаго переводчика во всякомъ случаѣ нужно имѣть въ виду.

Наконецъ возникаетъ еще одинъ послѣдній вопросъ, касающійся турецкаго переводчика: если мы, вникая въ смыслъ изданныхъ сказаній, находимъ не просто преувеличенія въ цифрахъ или фантастическую окраску, а просто полную несообразность, объясняющуюся неумѣлымъ сокращеніемъ извѣстій, которыя въ арабскихъ источникахъ являются хотя и съ фанта-

стическою окраской, но вполне логичными и последовательными, — или если мы, по сравненію съ арабскими источниками, видимъ, что свѣдѣнія, въ нихъ находящіеся, въ турецкомъ памятникѣ сообщаются въ другомъ порядкѣ, вслѣдствіе чего происходитъ немалая путаница, то должны-ли мы смотрѣть на эти несообразности какъ на дѣло рукъ турецкаго переводчика или персидскаго компилятора, котораго онъ переводилъ? А priori можно конечно допустить и то и другое, но я думаю, что, взвѣсивши все, что было нами изложено, всякій склонится къ тому мнѣнію, что гораздо болѣе вѣроятно, что указанныя несообразности и недочеты слѣдуетъ приписать не переводчику, а автору оригинала, т. е. персидскому компилятору X-го вѣка. Было бы вполне непонятно, съ какою цѣлью переводчикъ сталъ нарочно трудиться надъ тѣмъ, чтобы перетасовывать извѣстія своего подлинника такъ, что относящееся къ одному городу явилось бы въ описаніи другого и т. д. Неумѣлые же компиляторы, предъ глазами которыхъ лежатъ нѣсколько источниковъ, всегда и вездѣ облегчаютъ себѣ работу тѣмъ, что берутъ изъ одного источника одно извѣстіе, изъ другого — другое, еще другое составляютъ изъ двухъ или болѣе урѣзанныхъ и скомканныхъ показаній одного или нѣсколькихъ авторовъ, нисколько не заботясь о послѣдовательности или логичности разсказа. Такимъ именно типичнымъ компиляторомъ является, судя по нашимъ отрывкамъ, персидскій авторъ, котораго трудъ намъ сохранилъ турецкій переводчикъ. Онъ между прочимъ имѣлъ предъ собою первоклассный источникъ, Ибн-Ростъ, пользуется имъ весьма усердно, но совершенно коверкаетъ его разсказъ, неумѣло сокращая и переплетая его съ показаніями другого гораздо менѣе надежнаго источника.

Спрашивается, какое-же значеніе могутъ имѣть для византійской археологіи или даже только для исторіи популярныхъ легендъ о Царьградѣ изданные отрывки турецкаго памятника? Очевидно — что они въ томъ видѣ, какъ они есть, никакого значенія имѣть не могутъ и что они ни коимъ образомъ не могутъ служить предметомъ какихъ бы то ни было толкованій, приурочиваній и сопоставленій съ точки зрѣнія византійской археологіи или бытовой исторіи. Очевидно вѣдь, что нѣтъ никакой пользы въ припискиваніи напр. какихъ-нибудь городскихъ воротъ въ *Константинополь*, носившихъ имена апостоловъ Петра и Павла, когда изъ сопоставленія съ арабскимъ источникомъ явствуетъ, что рѣчь идетъ не о воротахъ ¹⁾, а о могилахъ ²⁾, находящихся въ одной церкви не

1) См. стр. 101.

2) Не *قبر*, а *قبر* надо читать въ турецкомъ текстѣ. Отвѣтственность за эту опisku можетъ быть отнесена на счетъ переписчика.

Константинопольской, а Римской; столь-же бесполезно будет ломать себѣ голову надъ тѣмъ, какому греческому слову, *σάχος* или *διβητήσιον*, соотвѣтствуетъ¹⁾ слово *кейсу*, *كيسو*, когда у Ибн-Ростэ въ рукописи стоитъ *الاكسيون* что издатель, de Goeje, съ весьма незначительнымъ измѣненіемъ *الاکسون* совершенно правильно объяснилъ черезъ *τὸν ἀλλαξιμὸν*.

Не слѣдуетъ думать, что всѣ загадочныя или повидимому совсѣмъ несообразныя показанія турецкаго памятника разрѣшаются такъ просто и легко. Есть нѣкоторыя, которыя представляютъ очевидно очень сильно исковерканныя формы арабскихъ извѣстій, соединеніе показаній о двухъ различныхъ предметахъ въ короткій рассказъ объ одномъ.

Хорошимъ примѣромъ случаевъ этой категоріи можетъ служить описаніе церкви *Атфисъ*. Оно въ переводѣ В. Д. Смирнова гласитъ такъ (стр. 36):

«И есть тамъ еще одна церковь, которую называютъ Атфисъ. Тамъ совершаютъ жертвоприношенія. Длина ея двадцать пять локтей, а ширина шесть локтей. Стѣны ея украшены подъ зеленый изумрудъ. И тамъ есть двѣнадцать образовъ изъ золота. А у каждого образа лики изъ краснаго яхонта. А размѣръ каждого идола два съ половиною локтя. И есть тамъ двадцать восемь дверей изъ золота; а тысяча двѣсти дверей изъ мѣди; всѣ онѣ, кромѣ эбеновыхъ дверей, разрисованы».

Въ такомъ видѣ это описаніе вполне непонятно: церковь, длиною въ 25 локтей и шириной въ 6, вмѣщаетъ въ себѣ 12 идоловъ въ 2½ локтя каждый, имѣетъ 28 золотыхъ дверей да 1200 мѣдныхъ, да кромѣ того еще эбеновыя! Ясно, что тутъ многое неладно и никакія ссылки на почтенные труды Кондакова и Бѣляева не помогутъ. Если мы обратимся къ арабамъ, то мы никакой церкви «Атфисъ» у нихъ не находимъ, но находимъ въ описаніи *Рима* у Ибн-Хордадбѣхъ²⁾ слѣдующее:

«... И есть тамъ церковь, уподобляемая Бейт-ал-Макдису³⁾; длина ея — одна миля. Въ ней есть жертвенникъ, на которомъ приносится жертва, изъ зеленаго изумруда. Длина его 20 локтей, а ширина шесть локтей. Его поддерживаютъ 12 статуй изъ чистаго золота. Длина каждой

1) Стр. 62.

2) Bibl. Geogr. Ar. VI, 110, перев. p. 87—88.

3) Т. е. Иерусалиму. Въ параллельномъ мѣстѣ у Казвинія II, 398: «есть тамъ церковь Сіона (Сибжаун *صهيون*), уподобляемая Сіону Бейт-ал-Макдиса», у Идрисія, p. V^м изданія М. Amari и C. Schiaparelli, L'Italia descritta nel «Libro del Re Ruggero» compilato da Edrisi: «и есть тамъ церковь великолѣпной постройки на подобіе церкви Бейт-ал-Макдиса», у Якута II, 870: «и есть тамъ церкви, называемая церковью народовъ; рядомъ съ ней дворецъ царя; и называется эта церковь также Сибжаун (Сіонъ) по Сіону Бейт-ал-Макдиса».

статуи 2 локтя съ половиной. У каждой статуи два глаза изъ красного яхонта, отъ которыхъ свѣтъ разливается по всей церкви. У этой церкви 28 дверей большихъ, изъ чистаго золота, и 1000 дверей изъ литой желтой мѣди, кромѣ дверей изъ эбеноваго дерева, бруса и разнаго рода драгоценнаго рѣзнаго дерева, цѣнность котораго неизвѣстна».

При первомъ взглядѣ на это мѣсто Ибн-Хордадбѣхъ бросается въ глаза, что изъ него или изъ весьма близкаго къ нему описанія неумѣло и безтолково сокращены свѣдѣнія турецкаго памятника. Эпитоматоръ не обратилъ вниманія на то, что рѣчь идетъ не о церкви только, но и о жертвенникѣ или престолѣ, и слилъ во едино то, что у арабскаго автора тщательно раздѣлено. Весьма вѣроятно, что и самое имя Атфисъ *أطفيس* есть не иное что какъ остатокъ слова¹⁾ *المقدس* [بيت] т. е. Иерусалимъ, оставшагося отъ пропущенныхъ второпяхъ словъ «уподобляемая Силъжауну Бейт-ал-Макдиса». — Церковь, о которой тутъ идетъ рѣчь — одна изъ *римскихъ* церквей. См. Guidi, l. c. p. 201.

Этихъ примѣровъ, надѣемся, совершенно достаточно, чтобы убѣдить всякаго, что не стоитъ искать объясненій у Кондакова и Бѣляева, у старинныхъ русскихъ паломниковъ, западныхъ рыцарей и турецкихъ путешественниковъ, пока свѣдѣнія нашего памятника не будутъ возстановлены въ формѣ возможно близкой къ первоначальному своему виду.

IX.

Что-же касается значенія нашихъ отрывковъ для дополненія заключеній о персидскомъ подлинникѣ, сдѣланныхъ на основаніи данныхъ каталога Рѣ и вступительныхъ главъ и комментарія В. Д. Смирнова, то мы ограничимся лишь немногими замѣчаніями.

Для вопроса о времени составленія персидскаго подлинника наши отрывки не даютъ ровно ничего, что шло бы въ разрѣзъ съ тезисомъ Рѣ, отнесшаго его, какъ мы видѣли, къ половинѣ 4-го вѣка гджры, т. е. X-го по Р. Хр. Мы поэтому до поры до времени имѣемъ полное право остановиться на этомъ опредѣленіи.

Относительно мѣста, гдѣ писалъ авторъ, Рѣ высказывается въ пользу Средней Азіи. Наши отрывки содержатъ только одно мѣсто, которое на первый взглядъ могло бы возбудить нѣкоторые сомнѣнія на этотъ счетъ.

1) Графически такое измѣненіе во всякомъ случаѣ много проще, чѣмъ изъ *vārdēš* какъ это предлагаетъ В. Д. Смирновъ, стр. 55.

Это—тирада¹⁾ о прежнемъ величїи румейцевъ и наступившемъ затѣмъ паденїи ихъ, которое дошло до того, «что теперь не проходитъ дня, чтобы изъ Румской страны не прибывали плѣнные». Еслибы мы не имѣли пропущенной въ переводѣ В. Д. Смирнова нарочитой оговорки турецкаго переводчика, то мы эту фразу могли бы приписать послѣднему, но такъ какъ она несомнѣнно стояла въ подлинникѣ, то мы должны съ нею считаться. Въ Среднюю Азію въ половинѣ Х-го вѣка едва-ли могли почти ежедневно приходять греческіе плѣнники. Но въ пограничныхъ съ византійскими владѣніями областяхъ Сѣверной Сирїи, Месопотамїи и даже въ самой столицѣ халифата, Багдадѣ, греческіе плѣнники составляли обычное явленіе. Война на границахъ никогда въ сущности не прекращалась и въ плѣнныхъ поэтому никогда недостатка не было. Если мы допустимъ, что персидскій авторъ всю тираду о паденїи греческаго могущества цѣликомъ заимствовалъ изъ одного изъ лежавшихъ предъ нимъ источниковъ, точно такъ же, какъ онъ заимствовалъ изъ Ибн-Ростѣ фразу о лживости сказаній о богатствѣ церквей, то эта тирада не можетъ служить доказательствомъ противъ тезиса Рѣе о Средней Азіи, какъ наиболѣе вѣроятномъ мѣстожительствѣ персидскаго автора.

Этотъ тезисъ слѣдовательно также должно — до поры до времени — считать наиболѣе близкимъ къ истинѣ.

Но вся эта тирада заслуживаетъ вниманія еще съ другой стороны. Она паденіе греческаго могущества ставитъ въ связь съ разрушеніемъ или разореніемъ Іерусалима. Вслѣдъ за нею въ текстѣ стоитъ слѣдующая не разысканная мною у арабскихъ авторовъ легенда²⁾:

«Разсказываютъ, что пророкъ Якубъ — миръ надъ нимъ! —, боясь брата своего Иса³⁾, бѣжалъ. Тогда всеславный, всевышній, живый Богъ сказалъ Якубу: «Ты не бойся своего брата: Я спасу тебя!» Якубъ — миръ надъ нимъ! — пришелъ обратно; но страхъ-то его не вышелъ изъ его сердца. У него было 5500 барановъ; десятую часть изъ нихъ, что составляетъ 550 барановъ, онъ страха ради и отдалъ Ису. Тогда Господь Богъ опять сказалъ Якубу: «О, Якубъ, ты не повѣрилъ Моему обѣщанію, такъ какъ ты отдалъ брату своему изъ страха предъ нимъ 550 барановъ. Я по числу тѣхъ барановъ поставлю чадъ Иса владыками надъ твоими чадами. Тѣ станутъ падишахами. Оно такъ и стало: Шамское падишахство, до тѣхъ поръ пока Омаръ-

1) См. выше, стр. 395.

2) Стр. 41.

3) Т. е. Исава.

бень-Альхатабъ, освободивъ іудеевъ отъ рукъ румейцевъ, не взялъ Шама, было въ рукахъ румейцевъ!»

Еврейское происхожденіе этой легенды очевидно, и взглядъ на паденіе могущества румейцевъ ¹⁾ какъ на кару Божію, постигшую ихъ за разореніе Іерусалима, тоже имѣетъ несомнѣнно еврейскую окраску. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ взглядъ показываетъ, что едва-ли можно «тѣ бѣды и несчастія, которыя возверзъ Богъ на румейцевъ» понимать какъ намекъ на мелкія пограничныя стычки между мусульманами и греками. Скорѣе всего можно ихъ отнести къ тѣмъ постояннымъ пораженіямъ, которыя въ теченіе перваго вѣка ислама, постигали грековъ, привели къ потери Египта, Сиріи, частей Малой Азіи и Месопотаміи и, казалось, угрожали самому существованію греческой имперіи. Не послужили-ли, быть можетъ, эти событія поводомъ къ составленію въ еврейскихъ кружкахъ назидательной книги, въ которой особенно яркими красками изображалось бывшее могущество румейцевъ, богатство и чудеса ихъ столицъ, для того, чтобы рѣзче обрисовывался контрастъ между блестящимъ прошедшемъ и наступившей затѣмъ, въ наказаніе за разрушеніе еврейской святыни, катастрофой? И не служила-ли такая тенденціозная, въ еврейскихъ кружкахъ сочиненная, книжка однимъ изъ главныхъ источниковъ вращавшихся среди мусульманъ разсказовъ о Константинополѣ и Римѣ, однимъ изъ главныхъ основаній для того популярнаго сборника сказаній о двухъ христіанскихъ центрахъ, изъ котораго въ свою очередь черпали арабскіе писатели въ родѣ Ибн-ал-Факіхъ'а, и на вѣроятность существованія котораго нами было указано выше?

Но какъ бы то ни было, наши отрывки во всякомъ случаѣ значительно дополняютъ наши свѣдѣнія объ авторѣ персидскаго подлинника. Они доказываютъ, что онъ несомнѣнно имѣлъ предъ собою сочиненіе Ибн-Ростэ, изъ котораго онъ заимствуетъ большую и лучшую часть своихъ свѣдѣній, и что онъ по *всей вѣроятности* также имѣлъ въ своемъ распоряженіи полный текстъ Ибн-ал-Факіхъ'а или-же тотъ самый источникъ, изъ котораго послѣдній черпалъ. Такъ какъ Ибн-Ростэ до насъ дошелъ, то мы можемъ судить также и о приемахъ персидскаго автора, и можемъ сказать, что онъ ничѣмъ не разнится въ этомъ отношеніи отъ другихъ компиляторовъ. Онъ коверкаетъ и комкаетъ свой источникъ довольно немилосердно. Интересуясь преимущественно всякими чудесами, диковинками, всѣмъ необыкновеннымъ и фантастичнымъ, онъ совершенно пренебрегаетъ сухимъ, напр. географическимъ и топографическимъ, матеріаломъ, и, неумѣло выпуская его, искажаетъ смыслъ, нарушаетъ послѣдовательность разсказа произвольными пе-

1) Подъ ними разумѣются какъ римляне, такъ и греки.

рестановками составныхъ его частей. Но если благодаря этому приему и той счастливой случайности, что Ибн-Ростэ до насъ дошелъ, сообщенія персидскаго автора о Константинополѣ не имѣютъ почти¹⁾ никакого *самостоятельнаго* значенія, то нашъ авторъ все-таки представляетъ большой интересъ и мы должны быть весьма благодарны В. Д. Смирнову за изданіе этихъ отрывковъ изъ него. Онъ писалъ, какъ мы видѣли, въ половинѣ X-го вѣка, писалъ въ Средней Азіи, и принадлежитъ поэтому къ первымъ пионерамъ зарождавшейся подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ Саманидской династіи персидской литературы. Каждая строчка, можно сказать, персидской прозаической литературой временъ Саманидовъ имѣетъ большую историческую цѣнность, а тѣмъ болѣе цѣлое сочиненіе такого разнообразнаго содержанія, какъ то, которое намъ сохранилъ турецкій переводчикъ. Нужды нѣтъ, что автора главнымъ образомъ интересуютъ, какъ нѣсколько презрительно выражается Рѣ, «childish stories and traveller's tales». Такіе матеріалы представляютъ громаднѣй интересъ для культурной исторіи. При правильномъ толкованіи они даютъ весьма многое и для исторической географіи и этнографіи описываемыхъ въ нихъ далекихъ странъ.

Блестящее всему этому доказательство читатель найдетъ напр. въ образцовыхъ работахъ Guidi²⁾, van der Lith'a³⁾ и de Goeje⁴⁾.

Пожелаемъ же, чтобы такой-же счастливый случай, какой помогъ А. Г. Туманскому спасти отъ забвенія другой памятникъ персидской литературы Саманидской эпохи⁵⁾, навелъ на слѣдъ полнаго экземпляра персидскаго космографическаго сочиненія, которое намъ въ неполномъ видѣ сохранилъ турецкій переводчикъ. Въ ожиданіи-же такого случая изданіе и переводъ всей турецкой рукописи представляется очень желательнымъ и В. Д. Смирновъ такимъ изданіемъ оказалъ бы наукѣ весьма существенную услугу.

Бар. В. Розень.

СПБ. Ноябрь 1898 г.

1) Я говорю «почти» потому, что кое въ чемъ они дополняютъ наши представленія объ Ибн-ал-Факіховомъ описаніи Константинополя, если оно дѣйствительно лежало предъ глазами персидскаго компилятора.

2) La descrizione di Roma nei geografi arabi. См. Archivio della Società Romana di Storia Patria, Roma. 1878, vol. I, p. 174—218.

3) Livre des merveilles de l'Inde. Leide, E. J. Brill. 1883—1886.

4) Le Japon connu des Arabes par M. J. de Goeje въ томъ же изданіи Livre des merv. de l'Inde, p. 295—307. (Голландскій подлинникъ въ Verslagen en Mededeelingen der Kon. Akademie van Wetenschappen. Afd. Letterkunde 2-е Reeks, X, p. 178 sq.) и его-же De muur van Gog en Magog, тамъ-же 3-е Reeks, V, p. 87 sq.

5) См. Записки Вост. Отд. X, 121 и сл.